Цена 15 коп.

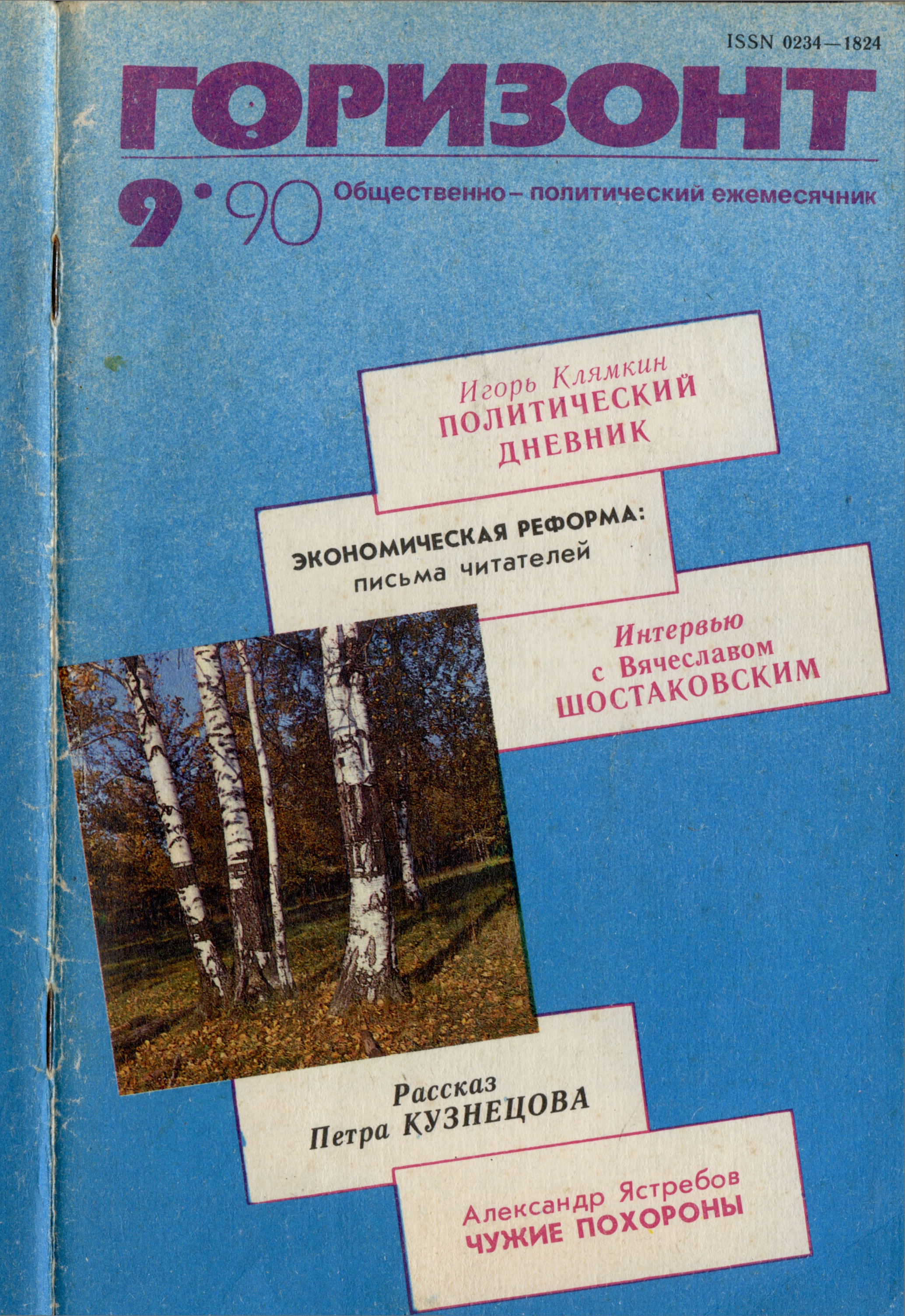
Индекс 73755

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Сухие ветви. 8. Род кустарников, сем. кактусов. 11. Город-порт в Нидерландах. 14. Прибор для обезвоживания препаратов, применяемый в химических лабораториях. 15. Двубортная домашняя или форменная куртка. 16. Молодые растения, предназначенные для пересадки в открытый грунт. 17. Остров в Средиземном море. 18. Вид рукоделия. 19. Сложившееся устройство жизни, быта. 23. Хищная птица. 24. Гриб. 25. Основание памятника. 27. Разновидность тополя. 28. Музыкант. 31. Магазин. 32. Река во Франции. 35. Непарнокопытное животное, сем. лошадей. 37. Язык программирования. 39. Искусство составления букета. 41. Пьеса-шутка А. П. Чехова. 42. Результат арифметического действия. 43. Советский кинорежиссер. 45. Территория на юге Пиренейского полуострова. 46. Цветок. 47. Небольшое животное, истребляющее змей. 48. Повторение какой-либо части музыкального произведения.

По вертикали: 1. Киевский князь, сын князя Игоря, X в. 2. Все существующее во вселенной, органический и неорганический мир. 3. Химический элемент. 4. Звезда в созвездии Девы. 5. Поочередное пение двух хоров. 6. Роман Т. Драйзера. 9. Узор, выполненный из цветных камней. 10. Нижний этаж русского жилого дома или храма. 12. Модель предмета в натуральную величину. 13. Русский композитор и педагог XIX в. 14. Круг, по которому происходит видимое годичное движение Солнца. 20. Зал для танцев. 21. Подмосковный музей-усадьба. 22. Многоместная конная карета. 23. Мускусная крыса. 26. Заместитель руководителя вуза. 29. Спортсмен. 30. Советский дипломат. 31. Закрытый кузов легкового автомобиля с несколькими сиденьями и дверьми, багажным отделением. 33. Бескорыстная забота. 34. Сестра мужа. 36. Мужское имя. 38. Штат в Мексике. 40. Птица, сем. воробьиных. 43. Опера З. Палиашвили. 44. Государство на Аравийском полуострове.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 928-97-42

Плакат художника А. Лозенко

На вкладке этого номера — работы участнико[illegible] выставки плаката 60—70-х годов, проходившей в Москв[illegible]

9 (478) •90 ГОРИЗОНТ

Общественно-политический ежемесячник

Сдано в набор 02.08.90. Подписано к печати 19.09.90. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 4,62. Уч.-изд. л. 6,03. Тираж 100 000 экз. Заказ 1081. Цена 15 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Г $\frac{0302020800—120}{М172(03)—90}$ Без [illegible] явл.

СОДЕРЖАНИЕ

Фото **А. Кондратьева.**

Игорь Клямкин

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

(март — июль 1990 года)

Все, о чем ниже написано, только что было политической злобой дня. Но когда читатель возьмет вышедший номер журнала в руки, все это станет уже историей и, быть может, успеет даже забыться: скорость развития событий близка к космической, оглядываться назад некогда. И все же я рискую предложить вашему вниманию этот своеобразный политический дневник, составленный из комментариев, прочитанных мною в свое время по радио «Свобода». Предложить не как добротное пособие по истории перестройки — для этого мои комментарии не годятся уже потому, что страдают всеми недостатками, которые свойственны толкованиям и оценкам, даваемым по горячим следам только что происшедших или только что завершившихся событий. Но я оправдываю себя тем, что в публикуемых заметках говорится не только о навсегда оставшихся в прошлом событиях, но прежде всего о проблемах, которые никуда от нас пока не ушли, с которыми мы сталкиваемся и сегодня и еще долго будем сталкиваться в будущем. И если мои размышления по поводу уже ушедших фактов помогут читателю лучше увидеть истоки и корни этих неуходящих проблем, если мой угол зрения на них кому-то покажется заслуживающим внимания, то я буду считать публикацию небесполезной.

8 марта 1990 года

Первая неделя марта ознаменовалась оживлением и углублением дискуссии по вопросам реформы партии. 3 марта «Правда» опубликовала проект, выдвинутый группой «Демократическая платформа в КПСС», и материалы дискуссии, в ходе которой этот документ сопоставлялся с проектом ЦК. Следом за этим подписчики получили десятый номер журнала «Огонек» со статьей народного депутата Гавриила Попова, где различные проекты реформирования партии анализируются с точки зрения идей и принципов, отстаиваемых Межрегиональной группой.

И в выступлениях представителей «Демократической платформы», и в статье Попова отмечается, что проект ЦК — это шаг вперед по пути изживания партийной монополии на власть. Вместе с тем убедительно показывается, что за многими уклончивыми, расплывчатыми формулировками проекта угадывается стремление удержать власть партаппарата, приспособить ее к новым условиям. Попов подчеркивает, что пока не признана частная собственность, пока она отвергается по чисто идеологическим соображениям, основа для монопольной власти партаппарата сохраняется. В свою очередь, представители «Демократической платформы» говорят о том, что эта монополия не может быть поколеблена до тех пор, пока сохраняется концепция партии-авангарда (как в проекте ЦК), пока не осуществлен переход к партии парламентского типа, действующей в условиях многопартийности.

Эти соображения, как и многие другие, безусловно справедливы. Но они кажутся мне недостаточными. Они недостаточны, потому что уживаются с сохранением той самой идеологизации, против которой они вроде бы в первую очередь и направлены.

И в «Демократической платформе», и в статье Попова говорится,

что целью перестройки является социализм (разумеется, не старого, а нового, демократического образца). Но при этом остается неясным, о чем идет речь. Если этот новый социализм предполагает рынок, частную собственность и представительную демократию по западному образцу, то тогда надо прямо сказать, что западное общество — это и есть социализм. Если же речь идет о чем-то другом, то есть о переходе от плохого социализма к хорошему, а этот хороший чем-то принципиально отличается от западного общества, то надо ясно сказать, чем именно. Умолчания и недомолвки в таком вопросе — это в конечном счете принципиальная уступка консерваторам.

В самом деле: почему они, консерваторы, отвергают частную собственность? Потому, что усматривают в ней отказ от социализма. Почему не соглашаются на превращение партии-авангарда в парламентскую партию? Потому, что в их глазах — это тоже отказ от социализма. В таких условиях двусмысленность и недоговоренность скрыть невозможно, что убедительно продемонстрировал один из критиков демократической платформы во время ее обсуждения в газете «Правда». Он поставил вопрос резко, что называется в лоб: вы за коммунистическую идеологию или против нее? И, надо сказать, сколько-нибудь вразумительного ответа он не получил.

Нет, пора уже называть вещи своими именами. Пора сказать прямо и откровенно, что рынок, частная собственность, представительная демократия — это органические элементы того общества, которое называется капиталистическим и в основе своей капиталистическим остается, несмотря на все происшедшие в нем колоссальные изменения. Что речь может идти лишь о том, чтобы именно эти элементы освоить в странах, освобождающихся от тоталитаризма. Что именно в этом заключается главная трудность, а не в том, чтобы подобрать к существительному «социализм» какое-то облагораживающее его прилагательное.

Если же люди хотят сохранить мечту об обществе более высоком и справедливом, чем современный капитализм, то опять-таки надо сказать им прямо, что мечта недостижима до тех пор, пока мы до этого капитализма не доросли. Надо сказать прямо, что надеяться на переход из тоталитарного состояния сразу в состояние более гуманное, чем состояние современного Запада,— значит сохранять старую веру в возможность новых великих скачков в «светлое будущее». Надо сказать прямо, что именно такое понимание социалистической мечты неизбежно ведет к тому, что в новые законопроекты будут проникать старые ритуальные фразы о недопустимости эксплуатации, за которыми скрывается не столько забота о ближнем, сколько стремление сохранить эксплуатацию, так сказать, социалистического, то есть государственного, толка.

Эта консервативная позиция не может быть поколеблена точкой зрения, в которой сохраняется идеологическая двусмысленность. Эта позиция не может быть поколеблена до тех пор, пока демократы (в партии и вне ее) будут сохранять ритуально-бессодержательное отношение к слову «социализм».

Завершая свою статью, Гавриил Попов говорит о том, что без революции в идеологии нам не обойтись. С этим трудно не согласиться. Но пока, похоже, такая революция в сознании лидеров демократического крыла партии еще не произошла. Если же произошла, но не обнародуется по соображениям тактики, то это тактика, обреченная на неуспех.

14 марта 1990 года

Итак, у нас теперь Президент. Первый в истории страны. Не претендуя больше на политическую уникальность, мы стали открыто заимствовать для своих нужд слова из западного политического словаря.

Итог закончившегося сегодня третьего Съезда народных депутатов можно выразить коротко: Михаил Горбачев, получив огромную личную власть, похоронил печальной памяти безликое «коллективное руководство» и взял на себя всю ответственность за выведение страны из кризиса. Тут, однако, есть риск и для него, причем немалый, так как фор-

мальное усиление власти получено дорогой ценой: еще большим падением доверия к ней в результате непрямых выборов первого Президента на съезде. На примере Ярузельского мы знаем, к чему может привести большая президентская власть, не пользующаяся большим доверием. Мы знаем, что такая власть очень быстро становится фиктивной, то есть перестает быть реальной властью.

Думаю, однако, что нашему первому Президенту в ближайшее время подобная участь не грозит. Потому что против Ярузельского была мощная организованная политическая сила, пользующаяся безоговорочной поддержкой населения. Против Ярузельского была «Солидарность». Наша же леворадикальная оппозиция сильна разве что массовым сочувствием. В политическом и организационном отношении она беспомощна. У нее не хватило политической воли и организованности даже для того, чтобы выдвинуть из своей среды альтернативную Горбачеву кандидатуру. Удивительно, но, как говорится, ничего не поделаешь: против Горбачева были выдвинуты люди именно Горбачева, были выдвинуты Рыжков и Бакатин!

Да, наша межрегиональная демократическая оппозиция слишком слаба. И именно в этом — сила Горбачева, который может позволить себе имитировать раздражение левыми, сохраняя тем самым свои слабеющие позиции справа. Как ни странно, но именно в этом его исторический шанс. Его шанс в том, чтобы использовать свою усиливающуюся власть для решения тех задач, которые не в силах решить наша бессильная пока демократия.

Таких задач две, и заключаются они соответственно в освобождении страны от двух монополий: монополии партии и монополии общесоюзного центра. Пока они сохраняются, не может быть никаких серьезных реформ, никакого рынка, никакой демократии.

Первая задача почти решена. Даже при самом смелом воображении трудно представить себе, что в стране восстановится власть партаппарата. Поэтому съездовские страсти по поводу сохраняющегося совмещения постов генсека и Президента кажутся мне проявлением политической инерции, а не политического реализма и динамичности политического мышления. Надо отчетливо осознать, что вопрос о партии был главным вчера, а сегодня он становится второстепенным, периферийным, что эту позицию консерваторы сдали и что выдвижение этого вопроса на роль главного вуалирует, затушевывает, отвлекает внимание от той задачи, которая сегодня становится основной.

Эта вторая задача — демонтаж империи. Правы, абсолютно правы были выступавшие на съезде представители республик: без нового союзного договора, без политической независимости республик, без их суверенитета невозможны и глубокие экономические реформы, невозможен переход к рынку. Они правы, так как такие крутые повороты в судьбах народов не совершаются без национального подъема и воодушевления. В этом едва ли не главный урок, который мы должны извлечь из неудач такой страны, как Югославия. И потому не с подозрением, а с доверием и оптимизмом должны мы относиться к тому, что происходит сейчас в Прибалтике.

Но движение за политическую независимость в стране с искусственно запутанным расселением народов с разной политической культурой чревато большой кровью. Теперь мы это знаем не понаслышке. Я согласен с нашими левыми радикалами, когда они говорят о том, что выбирать Президента до заключения союзного договора недемократично. Я согласен и с тем, что именно нынешние власти виноваты во всех больших и малых сумгаитах. Но я хотел бы знать еще и ответ на такой вопрос: готова ли оппозиция осуществить сегодня безболезненный, бескровный демонтаж империи? Если да, то ей следовало бы не просто критиковать действия властей, а требовать власти себе, заявив во всеуслышание, как сделал когда-то один смелый человек, что есть, мол, такая партия. А если нет, если ее силы слабы, то надо было, по-моему, действовать совсем не так, как она действовала на съезде. В том-то все и дело, что власть вела себя на съезде как власть, она была последовательной и логичной, а оппозиция вела себя не как оппозиция, а как критический придаток и советчик власти.

Власть не скрывала, что она не может управлять по-старому, не может решать вставшие перед страной проблемы, что ей нужны для этого новые полномочия, что демократическим способом она их приобрести не рассчитывает и потому хочет получить их недемократически. Власть отдавала себе отчет в том, что это не увеличит доверие к ней, но, идя на такой шаг, она давала понять, что для нее это сейчас не главное. Она давала понять, что недоверие ее не страшит, так как сила на ее стороне, а сила эта — в бессилии ее конкурентов.

И вот в такой ситуации Юрий Афанасьев, выступая от имени оппозиции, решил поделиться с Горбачевым своими соображениями о том, что авторитета генсеку его недемократически приобретенное президентство не добавит, а добавит только великий отказ от коммунистической идеи, который, как поспешил заявить оратор, не означает, разумеется, возврата к капитализму, к тому самому, от которого, надо полагать, мы ушли очень далеко вперед.

Но не только в идеологическом отношении оппозиция не проявила себя на съезде последовательной оппозицией с определенной, а не двусмысленной позицией. Думаю, что и в политических вопросах она проявила себя оппозицией не больше, чем на одну треть.

Перед ней, насколько я понимаю, стояли три задачи.

Во-первых, ей нужно было заявить (и это она сделала), что выборы Президента проводятся недемократически, и поэтому она против таких выборов, выступая в настоящем полпредом будущего.

Во-вторых, ей нужно было прямо сказать (и это она не сделала), что ее силы слабы, что она в заведомом меньшинстве в парламентских учреждениях и в то же время не располагает организованной силой за стенами парламента, способной решающим образом повлиять на процедуру выборов, и что в этой ситуации ответственность за решение назревших в обществе проблем может взять на себя лишь существующая власть и решать их теми средствами, какие ей доступны.

В-третьих, нужно было, как мне кажется, заявить (и это тоже сделано не было), что оппозиция, воспринимая президентскую систему как заранее предрешенный факт, вытекающий из реального соотношения сил, видит впредь свою миссию в том, чтобы толкать Президента к решению главной задачи, каковой является сегодня демонтаж империи. Оппозиция должна была заявить, что постарается, насколько это возможно, заставить служить недемократически избранную президентскую власть интересам демократии и призывает поддержать ее снизу. Если же оппозиция не воспользовалась съездовской трибуной даже для того, чтобы высказать свое отношение к событиям в Литве, то это свидетельствует о том, что она не поспевает за жизнью, что по-прежнему обрекает себя на роль комментатора решений и оценок, исходящих от власти.

В своей первой президентской речи Горбачев заявил, что, став Президентом, будет двигаться только вперед. Но самое большее, что он может сделать, получив исполнительскую власть в центре,— это передать основную долю этой власти республикам. По силам ли ему такая задача при растущем дефиците доверия (в пять с лишним раз больше голосов против, чем на первом съезде!) и принятой на себя полноте ответственности?

Это — главный вопрос, который сегодня остается открытым.

22 марта 1990 года

Три события выделяются в политической жизни страны последней недели: Пленум ЦК КПСС и растянувшаяся на несколько дней публикация его стенограммы, решения продолжающейся сессии литовского парламента и реакция на них в Литве и в Москве, наконец, второй тур выборов в республиканские и местные Советы, принесших в ряде крупных городов победу демократическому блоку.

О выборах и перспективах, которые они открывают, лучше поговорить после того, как будут известны все результаты и общая картина станет более или менее ясной. Что касается двух других событий, то симптоматично восприятие их в общественном сознании.

По моим наблюдениям, Пленум ЦК, несмотря на все его значение для судьбы правящей партии (высказался за изменение шестой и седьмой статей Конституции и наметил, какой быть партии впредь), несмотря на более чем откровенную полемику и резкую критику курса Горбачева, несмотря на то, что Егору Кузьмичу Лигачеву предложил уйти в почетную отставку не «левый радикал» Ельцин, а совсем не левый секретарь совсем не либерального ВЦСПС Мишин,— несмотря на все это, Пленум не вызвал того интереса, какой вызвали события в Литве.

Что это означает? Это означает, по-моему, что люди уловили нечто весьма существенное. Они поняли (или почувствовали), что вопрос о партии, который вчера еще заслуженно считался самым важным, сегодня уже таковым считаться не может. Они поняли (или почувствовали), что главный вопрос сегодня — это вопрос национальный и что именно от него зависит решение всех остальных вопросов, в том числе и вопроса о партии.

Да, судьба КПСС решается и будет решаться не в центре, а в республиках. Вот почему из всего, что говорилось на Пленуме ЦК, самыми существенными были, по-моему, высказывания о создании самостоятельной Компартии России. Они самые существенные вовсе не потому, что эта мера, как думают многие горячие ее сторонники, укрепит и усилит роль партии в РСФСР и в стране. Они существенны прежде всего потому, что ведут к освобождению от идеологических и политических мифов или, что то же самое, к пониманию того, что вопрос о партии, о ее судьбе, о сохранении или падении ее роли решается сегодня именно на уровне республик. А это значит, в свою очередь, что только на уровне республик будет решаться и вопрос о многопартийности.

Можно ли строить сегодня по этому поводу какие-то прогнозы? Дают ли для этого основания опубликованные материалы Пленума?

Признаюсь: к мысли, которую выскажу в конце, я пришел не сразу. Более того: несколько дней назад она была несколько иной, чем сейчас. Она изменилась после того, как я увидел по телевизору митинг в Вильнюсе.

Поначалу, когда читал некоторые выступления на Пленуме, было ощущение, что находишься среди политических теней. Ну в самом же деле: люди, то есть члены ЦК, только что единодушно, как в лучшие времена, проголосовали за допущение многопартийности, а теперь вот гневно обрушиваются на крамольную, с их точки зрения, мысль о том, что партия должна стать парламентской.

А какой она, интересно, может быть при многопартийности? Или с жаром отстаивают идеологические «принципы», которые люди (не члены ЦК) давно уже всерьез не воспринимают. Неужели не понятно, что верность этим принципам не только не усилит, а ослабит политическую конкурентоспособность партии в условиях многопартийности? Или вот толкуют о том, что партия непременно должна сохранить свои организации на производстве. Неужели не понятно, что это имело смысл лишь тогда, когда партия и ее функционеры отвечали за состояние хозяйства, когда она была единственной в стране властью? Неужели пример Восточной Европы ничему не научил, не убедил, что нельзя сохранить то, что сохранить нельзя?

Так я думал, когда читал материалы Пленума. А тут еще выступил по телевизору один из молодых лидеров левого крыла партии, объединившегося на основе «Демократической платформы», и сказал, что представителей этой платформы тоже пригласили на Пленум, но выступить большинством голосов запретили и что если ЦК будет цепляться за старые непопулярные позиции, то демократы пойдут на раскол. Слушая его, я думал не только о том, что это логично, но и о том, что будущая отколовшаяся часть партии имеет несравнимо больше шансов на успех, чем те твердокаменные, которые не могут поступиться принципами и которым придется поэтому сойти с политической сцены.

Но митинг в Вильнюсе показал, что события в нашей стране нельзя прогнозировать по аналогии с Восточной Европой. Именно потому нельзя, что тот самый национальный вопрос, который для нас главный, перед ними, как правило, не стоит вообще.

Основной урок митинга не в том вовсе, что национально-освободительное движение коренного населения республик сталкивается с интересами национальных меньшинств и это столкновение чревато конфронтацией тем более опасной, что у национальных меньшинств много точек соприкосновения с интересами союзного центра. Основной урок не в этом, а в том, что ущемленные интересы национальных меньшинств требуют для своего выражения особого языка, а этот особый язык оказывается не новым, а хорошо знакомым нам старым идеологическим языком, возрождающим тот самый образ классового врага, который мы вроде бы только что с таким торжеством похоронили. После этого я снова начал вчитываться в материалы Пленума ЦК: а может быть, это вовсе не тени? Может быть, у них есть будущее?

Размышляя обо всем этом, я вспомнил (поначалу об этом как-то не подумал), что партия Бразаускаса, то есть партия коммунистов, решившая разыграть национальную карту ради успеха в парламентских выборах, сделать этого не сумела. Похоже, что коммунисты вряд ли смогут вообще разыграть ее по той простой причине, что национальные движения направлены против коммунистов, которых считают проводниками политики имперского центра. Похоже, что в принципе вряд ли возможно создание жизнеспособных, имеющих политическую перспективу компартий, которые хотят найти себе место между двух стульев, взяв что-то у коммунистов, а что-то у социал-демократов. Вот почему я все больше сомневаюсь в жизненности идей и принципов, выдвинутых и отстаиваемых сторонниками «Демократической платформы в КПСС». Митинг в Вильнюсе показал, что есть люди, и их немало, интересы которых лучше всего выражает старая партия, а выборы в литовский парламент и поражение Бразаускаса показали, что есть люди (их еще больше), которые не доверяют выражать свои интересы коммунистам, предпочитая для этого другие политические силы.

В этой ситуации особое значение приобретает Россия и ее будущая самостоятельная компартия. Она, разумеется, попробует стать выразителем национальных интересов республики. Но как она будет это делать? На манер Бразаускаса или по примеру его оппонентов из старой партии? Появится ли у коммунистов России могучий конкурент типа литовского «Саюдиса»? На какой духовной основе возможна национальная консолидация России — на старой имперской, выражаемой политической философией интернационализма, которая смыкается кое в чем с движением национальных меньшинств в других республиках, или на основе национального обособления? Наконец, возможна ли вообще национальная консолидация России, если учесть многонациональный характер самой РСФСР?

Эти вопросы пока еще не попали в эпицентр общественного внимания. Сегодня они не выглядят самыми актуальными. Они станут актуальными завтра. И ответ, который даст на них жизнь, как раз и будет ответом на вопрос о нашем будущем.

29 марта 1990 года

Не знаю, с чем можно сравнить то, что происходит сейчас в Литве, а точнее — во взаимоотношениях Вильнюса и Москвы. Может быть, это главное событие первого пятилетия перестройки. Потому что, пока не демонтирована империя, пока в республиках не возникли пользующиеся народным доверием, независимые от центра правительства, ни одной глубокой реформы провести нельзя. Литва сделала первый практический шаг в этом направлении. И именно потому Литва — это едва ли не основной итог первого пятилетия перестройки и трудное начало второго. И потому такое напряжение — не только в стране, но и в мире, потому так осторожны западные политические лидеры, которые, похоже, больше всего боятся, что им придется выбирать между Москвой и Вильнюсом, между горбачевской перестройкой и литовской демократией.

Литва — это самая пока серьезная проба империи на прочность, а перестройки — на демократизм. Это — глубокая разведка парламентским боем. Что отвечает Москва? Она заверяет, что танков на этот раз не будет, танки ничего не решат. Москва отвечает иначе: демонстрацией силы и неуступчивостью. Пока без насилия.

В этом драматическом противоборстве испытывается и вырабатывается очень многое. Испытывается способность и готовность страны к демократии. Вырабатываются условия добровольного расторжения насильственного брака между центром и республиками. И уже сейчас ясно главное: если даже в Литве, где 80 процентов населения составляют литовцы, конфликт с центром создает острый конфликт и в самой республике, то в других местах дело пойдет еще сложнее и болезненнее. Ясно также, что сегодня не всякие резкие движения республик к независимости вызовут безоговорочную поддержку Запада и не всякие

действия Москвы против этих движений вызовут его безоговорочное осуждение.

Литовский орешек — первый экзамен на демократизм, который жизнь сразу же устроила Президенту Горбачеву. И, похоже, что в ответ на этот вызов в его политическом почерке появляется что-то новое. Раньше он, как правило, шел за событиями, не препятствуя им стихийно развиваться. Ему доставалось за это справа и слева: не упреждает, мол, события, постоянно, мол, опаздывает. Мне же кажется, что в этом запаздывании чаще всего была не слабость, а сила Горбачева. Потому что обществу, высвобождаемому из тисков тоталитаризма, ничего навязать уже нельзя. И упредить высвобождение, форсировать его нельзя тоже. Самое разумное, что может сделать в таком положении власть,— это вовремя сдавать обществу те позиции, которые оно уже само готово занять. И — не мешать. Решила, скажем, выделиться из КПСС компартия той же Литвы — пусть выделяется. Возникло всеобщее недовольство монополией партии — отказаться от монополии.

Так и действовал Горбачев до последнего времени. До Литвы. Здесь он впервые всерьез пробует не отступать. На его стороне — небольшая часть населения республики и солдаты разных родов войск, которые могут демонстрировать силу, но не могут применять насилие.

Обе стороны, кажется, понимают, что к старой несвободе дороги нет. Что в этом противоборстве разных интересов решается не вопрос о свободе, а выявляются ее мера, границы, определяются темпы и способы движения к ней.

Но все это зависит не только от того, какая партия сильнее в Литве и сколько десантников пришлет туда Москва, но и от того, каково соотношение сил в стране в целом, каковы в ней настроения, какова степень доверия населения к центральной власти и ее действиям.

Какое-то представление об этом могут дать результаты опросов, проведенных в Москве социологами Вильчеком и Богдановым, которые познакомили меня с некоторыми полученными ими данными. Опросы проводились трижды: до третьего Съезда народных депутатов, выбравшего Президента, сразу после съезда и после первых указов нового Президента.

Отвечая на вопрос, с кем из политических деятелей связывают они перемены к лучшему, только 26,5 процента опрошенных назвали Горбачева. Правда, доверие к другим было еще меньше (шедший на втором месте Ельцин получил 21,5 процента).

Учитывая недемократический характер выборов Президента, можно было предположить, что популярность Горбачева после съезда упадет еще больше. Однако у социологов получилось, что она, наоборот, возросла почти на 7 процентов, и они заявляют, что методика их безупречна. Если так, то это свидетельствует о безразличии к демократическим процедурам среди каких-то слоев населения и о том, быть может, что эти слои видят прямую связь между усилением власти первого лица и порядком в стране.

Но прошло еще несколько дней, и из семи процентов дополнительного доверия Горбачеву люди четыре процента забрали назад. Не берусь судить, связано ли это с указами по Литве. Возможно, что нет. Возможно, что люди просто очень быстро сообразили, что принципиальных и быстрых улучшений введение президентского поста им не принесет. Если так, то это значит, что падение доверия к нынешней центральной власти будет продолжаться. Но отсюда вовсе не следует, что власть эта будет непременно и неуклонно слабеть. Главный итог опроса, по мнению самих социологов, заключается в том, что н и к т о из действующих на уровне центра политических лидеров и н и о д н а из политических сил не пользуется широким доверием. Скажем, с Межрегиональной группой связывают свои надежды на улучшение всего 5 процентов, столько же, кстати, сколько с Рыжковым.

Иными словами, можно говорить о вакууме доверия к власти, а не вакууме власти. Потому что доверия нет ни к кому, но на стороне существующей власти — реальная сила, состоящая из миллионов людей, одетых в шинели. И эта власть с введением президентской системы не ослаблена, а действительно усилена.

Да, в обществе, которое находится в начальной точке длинной дороги к демократии, какое-то время может существовать сильная власть, не пользующаяся доверием. От самой власти зависит, как эту силу использовать. Но все же наша надежда не в этом, а в том, что сила эта уже не всесильна, что она ограничена народным недоверием. И если

даже Егор Кузьмич Лигачев вынужден признать, что танки сегодня не аргумент в политическом споре, то это значит, что Вильнюс, проявляя решимость и мудрость, может избежать трагедии Баку и сделать действительно важный, быть может, решающий шаг к нашей общей, никого не ущемляющей свободе.

5 апреля 1990 года

На днях произошло небольшое событие, заслуживающее большого внимания. Я имею в виду создание либерально-демократической партии в нашей стране. Вернее даже не само ее создание (партия из 3 тысяч членов — не бог весть какая сила), а неожиданно заинтересованное, даже поощряющее отношение к этому факту официальных средств информации. О новой партии, ее программе и ее лидерах сообщила программа «Время», об этом же на первой полосе довольно подробно рассказала газета «Известия».

Примерно в то же время и в той же газете появилась информация из Волгограда. В ней говорилось, что в городе создана социал-демократическая организация и что эта организация решает свои проблемы в помещении, любезно предоставленном в ее распоряжение обкомом КПСС.

Почему же власти стали вдруг поощрять возникновение новых партий и чуть ли не пропагандировать конкурентов партии правящей?

Вопрос тем более резонный, что закона о партиях и общественных организациях пока нет, и власти при желании могли бы новые политические организации не признавать, как не признавали до этого «неформалов». Но у властей, судя по всему, на этот раз такого желания не обнаружилось. Более того, интонация программы «Время» была своеобразной: телезрителям прямо сказали, что вот, мол, закона еще нет, а партии уже создаются, и это, мол, не только не плохо, а очень даже хорошо.

Я думаю, что это форсирование многопартийности со стороны КПСС продиктовано прежде всего ее собственными внутренними проблемами. Думаю, что руководство КПСС очень заинтересовано сегодня в том, чтобы в стране возникло как можно больше мелких, маломощных партий, конкурирующих между собой и не способных составить конкуренцию КПСС. И больше всего руководство правящей партии должно быть заинтересовано в том, чтобы одной из таких новых маломощных партий побыстрее стало нынешнее леводемократическое крыло самой КПСС.

Да, похоже, что руководство правящей партии, не надеясь на восстановление единства в ней, взяло курс на раскол. Это не отказ от принципа единства. Это, наоборот, нежелание поступиться принципом. Это отказ от единства с теми, с кем оно кажется невозможным, при сохранении в партии тех, кто единство ставит выше демократии, а не наоборот. И вот почему одновременно с благожелательными сообщениями о возникновении новых партий в печати начали появляться призывы к чистке внутри КПСС или, как более деликатно выразился на днях в «Правде» академик Абалкин, к ее очищению.

Смысл этой чистки-очищения разные люди понимают по-разному. Абалкин считает, что надо освободиться и от слишком правых, и от слишком левых. Слишком правые полагают, что главное — это убрать левых. Более близкий, чем Абалкин, к левому флангу академик Шаталин рассчитывает, что убраны будут прежде всего правые.

Но как бы по-разному ни понимали разные люди предстоящую хирургическую операцию, смысл ее в нынешней ситуации может быть только один. А именно: освобождение от левого крыла и восстановление партийного единства посредством консолидации правых и центра. Потому что не так уж трудно понять, что в ходе чистки-очищения каждый член партии должен будет прежде всего выбрать одну из двух нынешних платформ — официальную или леводемократическую. У правых своей платформы нет, поэтому им чистка ничем не грозит.

Очевидно, определенным кругам в руководстве КПСС очень важно, чтобы левые выделились в отдельную партию до XXVIII съезда. Поэтому и было, наверное, в официальной прессе так торжественно отмечено рождение либерально-демократического младенца: вот, мол, смотрите, кто хочет, может создавать партии уже сейчас, отсутствие закона здесь не помеха. Наверное, пройдет какое-то время, и левым скажут ясно и определенно: вы против коммунизма, против Ленина, а мы — за. Поэтому, если вы честные люди, то вы должны уйти. А если не уходите, значит, хотите разложить и развалить нас изнутри, а этого мы не допустим и очистимся от вас, не спросивши вашего согласия.

Нетрудно понять, почему все это будут спешить сделать до съезда. Публичный раскол на съезде — это образование двух крупных партий, если и не равных, то соизмеримых. Если же левые выйдут из партии до съезда, то они будут представлять собой всего лишь отколовшуюся часть, вынужденную конкурировать уже не столько с КПСС, сколько с новыми демократическими партиями. А здесь у КПСС-2 шансы, прямо скажем, не велики. Кроме того, раскол на съезде — это дележ партийного имущества. Между тем отколовшимся до съезда, то есть неофициально, можно ничего не давать.

Наверное, форсировать раскол будут торопиться и потому, что торопиться заставляют результаты выборов в некоторые городские Советы, прежде всего в Московский и Ленинградский. Здесь сложилось очень своеобразное положение, когда представители демократического блока получили большинство, когда в этом большинстве, в свою очередь, большинство составляют члены КПСС, которые, в свою очередь, не намерены подчиняться городским и более высоким партийным органам. Ясно, что в такой ситуации эти органы заинтересованы в том, чтобы расчленить демократический блок, расколоть его на разные партийные группы. Форсирование многопартийности вообще, и раскол КПСС в особенности — очень подходящее для этой цели средство.

Из сказанного я делаю общий вывод: в ближайшее время мы, судя по всему, станем свидетелями, а почти 20 миллионов членов партии и участниками, углубляющейся борьбы двух течений в КПСС. Правоцентристский блок будет стремиться побыстрее очиститься от сторонников «Демократической платформы». Сторонники же этой платформы будут вынуждены отстаивать свое право на пребывание в КПСС ради того, чтобы если уж выделяться, то сделать это официально на съезде со всеми вытекающими отсюда преимуществами. Для этого, однако, им надо не только удержаться в партии, но и пробиться на съезд и получить там трибуну.

12 апреля 1990 года

Предположение, высказанное мною в предыдущем комментарии неделю назад,— о том, что руководство КПСС попытается, возможно, освободиться от сторонников «Демократической платформы» до XXVIII съезда,— это предположение сбылось на удивление быстро. Как известно, ЦК партии принял и опубликовал открытое письмо, в котором вопрос о судьбе людей, объединившихся на демократической платформе, ставится более чем определенно. «Разве могут такие лица оставаться в рядах КПСС?» — спрашивают авторы письма, подразумевая, что ответ не может и не должен ни у кого вызывать сомнений.

Подтвердилось и предположение о том, что намеченное некоторыми оптимистами очищение партии одновременно от правых и левых (скажем, академиком Шаталиным) на деле может быть очищением только от левых, то есть созданием правоцентристского блока, которое в письме ЦК названо «консолидацией на принципиальной основе». Специально обращаю ваше внимание на то, что правые в этом письме хотя и поставлены на непочетное первое место среди противников курса партии, но им все же никакими неприятными оргвыводами не грозят, их всего лишь призывают (цитирую) к «бесповоротному отказу от наследия сталинизма и застоя». Между тем помещенные на второе место левые объявляются (цитирую) «поставившими себя вне партии», и, следовательно, не хватает лишь соответствующих решений соответствующих организаций, чтобы поставившие себя вне партии в ней больше не числились.

Допускаю, что многие левые радикалы увидят в письме ЦК резкий поворот направо. Но это, по-моему, и так, и не совсем так. Да, в партии происходит консолидация правых и центра. Но в то же самое время в центральной печати (в том числе и в партийной, прежде всего в «Правде») появились многочисленные статьи и интервью, из которых следует, что руководство страны вроде бы решилось ускорить переход к рыночной экономике чуть ли не по польскому образцу. Если это так, то это означает, что правоцентристский блок в КПСС создается для того, чтобы осуществлять левый курс без левых и как бы против левых.

Ничего фантастического в такой тактике нет. Она возможна. Конечно, в будущем, быть может, очень скором, она вызовет в правоцентристском блоке трещины конфликтов, которые не удастся заделать никаким политическим цементом. Конечно, рыночная экономика при сохранении той политической роли, на которую до сих пор претендует КПСС,— вещь совершенно немыслимая. Но первые более или менее решительные шаги в этом направлении правоцентристский блок, если захочет, сделать сможет.

И тем самым — это надо себе отчетливо представить — гораздо раньше, чем сам столкнется с внутренними проблемами, он поставит перед такими проблемами левых. Им тогда не так-то просто будет политически определиться.

Конечно, они смогут попробовать лишний раз продемонстрировать свою правоту и прозорливость. Они смогут напомнить нам с вами, что в конце прошлого года, на втором Съезде народных депутатов, именно они решительно выступили против правительственной программы вывода страны из кризиса, за что были обвинены правыми в неконструктивности и стремлении захватить власть. Они смогут сказать, что теперь, когда план правительства обнаружил полную свою несостоятельность, народные депутаты, одобрившие его на съезде подавляющим большинством и несущие за его провал персональную ответственность, имеют наконец-то возможность разобраться, кому стоит, а кому не стоит доверять. Все это можно и наверняка нужно будет говорить во всеуслышание. Но это не снимет и даже не смягчит те политические трудности, с которыми столкнутся левые, если нынешнее руководство, пусть и с запозданием, двинется по предложенному ими пути, их самих отодвинув в сторону.

Левым придется ответить публично на очень непростой вопрос: поддерживают ли они свой собственный курс на углубление реформы, когда осуществлять его взялось руководство, по отношению к которому они находятся в оппозиции?

Насколько могу судить по прессе и частным беседам, от этого неприятного вопроса пробуют уйти, отделаться от него рассуждениями типа того, что у властей, мол, ничего не получится, что они, в отличие от польского правительства, не пользуются доверием и поддержкой населения, а без доверия и поддержки непопулярные меры, неизбежные при переходе к рынку, не пройдут.

Я думаю, что такие сомнения и опасения не могут служить основой для серьезной политической позиции. Во-первых, власти постоянно сами признаются в том, что у них есть трудности по части доверия со стороны населения. Во-вторых, три месяца назад, когда оппозиция упрекала Горбачева в нерешительности и медлительности, ему доверяли не больше, чем сейчас. В-третьих, у левых нет таких сил в масштабе страны, нет такой организации, как польская «Солидарность», чтобы они могли претендовать на проведение реформы вместо нынешней власти.

У нее, у власти, есть серьезные основания надеяться, что ей удастся парализовать оппозицию, приняв к исполнению ее экономическую программу и раздробив ее на множество конкурирующих между собой мелких партий и течений, одним из которых станет и выдавленное из КПСС левое крыло. Но у оппозиции, как мне кажется, останется все же пространство для самостоятельной исторической работы.

Думаю, что главный водораздел между властью и левой оппозицией может сегодня свестись к ответу на вопрос, что должно быть первоочередным: радикальная реформа в экономике или союзный договор, форсирование перехода к рынку сразу по всей стране или экономического и политического освобождения республик.

Похоже, что центральная власть попробует начать с реформы, которая в этом случае при дефиците доверия и усиливающейся национальной разобщенности действительно может захлебнуться. И наоборот, начав с союзного договора, с перемещения центра власти из Москвы в республики, можно рассчитывать, что именно они, республики, станут политическими центрами проведения реформы. Их политическая и экономическая самостоятельность и могла бы, очевидно, стать основой для формирования пользующихся народным доверием республиканских правительств, а значит, и того народного подъема, без которого никакие глубокие реформы невозможны.

Короче говоря, оппозиция может занять свою собственную позицию, не путая ее с позицией власти, даже тогда, когда власть берется выполнять программу оппозиции. А если каждая политическая сила точно, без самообмана, определит свою позицию, то каждому из нас будет проще определить свою.

19 апреля 1990 года

Прошло около пяти недель с того дня 11 марта, когда только что избранные литовские парламентарии провозгласили независимость своей республики. Пяти недель оказалось недостаточно, чтобы мир признал их решение. Но их оказалось вполне достаточно, чтобы многие, очень многие поняли: дороги назад, к 11 марта, нет не только у Вильнюса, но и у Москвы.

Можно понять непримиримо жесткую позицию, занятую сразу же союзным руководством: никаких, мол, переговоров до тех пор, пока не будут отменены все законы, принятые 11 марта и после. Так как в противном случае согласие на переговоры с Литвой означало бы согласие на переговоры с другим государством, означало бы фактическое признание его выхода из СССР. Можно понять эту позицию, учитывая тяжелейший груз имперского прошлого, имперских традиций и амбиций, который давит на московское высшее руководство. О драме национальных меньшинств в Литве (и не только в Литве), от ответственности за судьбу которых союзному руководству никуда не уйти, я уже не говорю.

Да, позицию Москвы можно понять. Но при здравом размышлении нельзя не понять и то, что она тупиковая. Машина истории хотя и отличается широкой маневренностью, но задней передачи, а следовательно, и заднего хода, у нее нет. Пять недель назад Литва начала жизнь по новому историческому календарю. Это может нравиться или нет, но это рано или поздно придется признать.

Между тем Москва продолжает стоять на своем. Чтобы наглядно показать и доказать новым литовским властям и литовскому народу невыгодность отсоединения от СССР, их предупреждают о возможной приостановке или отмене поставок продукции, которые идут в Литву по более низким ценам, чем на мировой рынок. Вильнюс своим вчерашним решением продемонстрировал спокойствие, достоинство, решимость довести начатое дело до конца и вместе с тем готовность к компромиссам. Заранее призвав население быть готовым к жесткому режиму экономии в случае экономической блокады и заручившись (на этот же случай) поддержкой соседей в рамках создаваемого прибалтийского рынка, литовские власти дали понять, что экономическое давление на колени их встать не заставит. Вместе с тем, заявив о своей готовности приостановить принятие новых законов и начать консультации о переговорах (коль уж Москве неловко сразу начинать сами переговоры), Литва дала понять, что ничего не желает больше, чем диалога, и ничего не опасается больше, чем конфронтации.

Очень хочется верить, что Москва не ударит по протянутой руке, что не обрубит, а постарается подхватить и удержать тоненькую ниточку политической надежды, указывающей, быть может, направление выхода из исторической ловушки.

Открылась маленькая, почти микроскопическая возможность, начав переговоры, то есть, простите, консультации насчет переговоров, выиграть время. Потому что в политике, как и в спорте, затяжка времени — это и есть нередко его выигрыш. Потому что, чем дальше будет уходить в прошлое день 11 марта, тем больше людей в Литве и за ее пределами будут привыкать к новой литовской ситуации и примиряться с ней. Люди поймут, что ничего у них Литва не отнимает, что вовсе не за их счет хочет она приобрести билет в рай, и потому никакой выгоды нет для них в том, чтобы перестать отгружать для Литвы уголь, нефть или что-то еще, а выгодно лишь на языке рынка договориться о том, чтобы взаимные поставки были взаимовыгодными. Люди поймут, что никакие так называемые решительные меры, будь то в виде танков, десантников или временного президентского правления, к которому так настойчиво зовут сегодня иные горячие головы,— что эти решительные меры ничего не решат и решить не могут. Люди рано или поздно поймут, что вернуться к тому, что было до 11 марта, можно только насильственно распустив литовский парламент, арестовав его членов и отменив принятые им законы, что, в свою очередь, будет означать подавление воли большинства литовского народа и очередной разрыв СССР с миром, новый откат страны в политическое гетто, теперь уже в полнейшем гордом одиночестве, то есть без союзников в Восточной и Центральной Европе. На более привычном нам сегодня языке это будет означать конец и крах перестройки.

Очень хочется верить, что и сам Горбачев даже тогда, когда идет на ужесточение, когда ищет все новые и новые ресурсы давления, на самом деле пытается создать новые возможности для маневра, для выхода из жесточайшего цейтнота. У Президента страны есть сильное качество, которое он проявлял неоднократно,— я имею в виду его умение постепенно выбираться из сложной ситуации, спуская ее на тормозах. Так было, например, при расколе литовской компартии: воспринятый поначалу как крушение всех основ и устоев, он через некоторое время стал привычным фактом нашей жизни. То же самое с многопартийностью. Станет ли признание исторически созревшей литовской независимости еще одним звеном в этой цепи событий или ее непризнание станет первым звеном цепи совершенно новой?

Пока жизнь держит этот вопрос открытым. Но одно ясно уже сейчас: чем грубее Москва будет удерживать Литву, тем дальше она отбросит ее от себя, а себя — от своей собственной перестройки.

Пока зона для компромисса между литовской независимостью и военно-стратегическими интересами Советского Союза, между противоимперским устремлениями литовцев и глубоко укорененными традициями московского великодержавия,— пока зона для такого компромисса существует. Пока литовские власти с пониманием относятся к присутствию союзных войск в республике и готовы обсуждать эту проблему с учетом всех старых и новых реальностей, в том числе и с учетом ситуации, создаваемой предстоящим воссоединением Германии.

Что касается других вопросов, в частности экономических, то Москве гораздо выгоднее, чтобы Вильнюс и другие республиканские столицы взяли на себя основную тяжесть проблем, связанных с переходом к рыночной экономике. Я уже неоднократно говорил об этом и повторю еще раз: не пользующийся доверием населения союзный центр самостоятельно, без наделенных народным доверием республиканских правительств эти проблемы поднять не в состоянии.

10 мая 1990 года

Не прошло и двух месяцев после 11 марта, когда Литва объявила себя независимой, как ее примеру 4 мая последовала Латвия, а еще через несколько дней — фактически и Эстония. Это — крупнейшие события, значение которых вряд ли можно переоценить. Во всяком случае, они снимают почти все те вопросы и сомнения, которые многим мешали определить свое отношение к происходящему в Литве.

Теперь уже мало кто решится объяснять провозглашение литовской независимости честолюбием или политической неопытностью Ландсбергиса, Прунскене или кого-то еще. Наверное (и даже наверняка), выпавшую им историческую роль они сыграли небезупречно. Наверное (и даже наверняка), они делали ошибки, а ошибки делали в том числе и потому, что спешили и нервничали. Но спешили они не потому, что по

натуре своей склонны к поспешности и нервозности и не склонны к осторожности и спокойствию, а потому, что их избиратели ждали от них именно этого, ждали, что они будут спешить или, говоря иначе, что у них хватит решимости, чтобы не медлить.

Сейчас, когда две другие прибалтийские республики двинулись вперед по той же дороге, вряд ли кто рискнет всерьез рассуждать о некоей «кучке парламентариев», навязавших литовскому народу чуждые ему решения. Ведь 4 мая в Риге проголосовали за декларацию о независимости, уже зная, чем это может кончиться. Латышские парламентарии знали, чем может ответить Москва, и в мгновение оставшиеся без продуктов магазины лучше всего свидетельствуют о том, какого ответа они ждут. И тем не менее объявление о результатах голосования и провозглашении декларации о независимости было воспринято в Латвии как большой праздник.

Конечно, после праздников, как это обычно бывает, начинаются будни, и они не обещают быть легкими для Латвии и Эстонии не только из-за ожидаемых там многими действий Москвы. В этих двух республиках, как известно, доля коренного населения значительно меньше, чем в Литве, и потому межнациональные конфликты обещают здесь быть гораздо более острыми, болезненными и непредсказуемыми. В Латвии на 15 мая уже объявлена политическая забастовка протеста против декларации о независимости, в Эстонии в некоторых районах возникнут, возможно, альтернативные органы власти, не признающие противоречащих Конституции СССР решений парламента. Но все это лишний раз указывает не только на сложность обретения независимости и возникающих при этом проблем, но и на решимость прибалтийских народов добиться ее вопреки всем трудностям и очень осторожной позиции, занятой официальным Западом.

Пока трудно сказать, как поведет себя Москва, будет ли она действовать в Латвии и Эстонии по литовскому сценарию или нет. В республиках, как я уже сказал, ждут, похоже, именно этого, причем не только рядовые жители, опустошающие магазины и собственные сберкнижки, но и новые власти, заранее запланировавшие поездки на Запад примерно по тем же маршрутам, которые с запозданием проложены Казимерой Прунскене. Но как бы ни развивались события, надо ясно представлять себе, к чему может привести экономическая блокада еще двух республик. В общих чертах это можно себе представить, зная, чем сопровождается использование этой меры против Литвы.

Я не собираюсь лишний раз напоминать о том, что разрыв хозяйственных связей не с одной, а с тремя республиками может вызвать в других регионах страны самые непредвиденные реакции тяжело больного экономического организма. Это соображение в общем-то лежит на поверхности. Но есть вещи еще более важные и принципиальные.

Мне уже приходилось говорить о том, что хуже всего для центра было бы, если Литва не выдержит давления и откажется от провозглашенной независимости. Это будет воспринято как унижение национального достоинства и вызовет деморализацию и апатию с сопутствующим такому состоянию общим упадком, ответственной за который в глазах населения будет выглядеть, разумеется, Москва.

Поэтому центру, как бы это ни казалось странным, гораздо выгоднее, чтобы Литва против него выстояла. Потому что выстоявшая независимая Литва — это Литва, берущая на себя всю полноту ответственности за свою судьбу, это Литва, испытывающая колоссальный прилив сил, переживающая тот самый национальный подъем, который так необходим сегодня для проведения реформ в экономике, для перехода к рыночным отношениям. Такая свободная Литва была бы для всех нас гораздо более выгодным партнером, чем Литва сломленная и политически зависимая.

Пока блокада не только не сломила, но еще больше сплотила литовцев, укрепила их волю и усилила желание довести начатое дело до конца. И отсюда вроде бы должно следовать, что и всем нам это в конечном счете не во вред, а во благо. Но я не думаю все же, что этот способ разрубания исторических узлов самый надежный и выгодный для всех. Да, прогресс не всегда может проложить себе прогрессивное русло и может двигаться по самым неожиданным, извилистым, каменистым и не самым удобным для себя дорогам. Да, люди не всегда в состоянии помочь ему, но все же попробовать это сделать хотя бы вовремя сказанным словом — вполне в их силах.

Конечно, рождающееся или возвращающееся национальное самосознание, чем бы оно ни подпитывалось и ни подталкивалось,— великая сила, способная поднимать миллионы людей на великие жертвы и исторические прорывы. Но не будем все же закрывать глаза и на то, что сегодняшний национальный подъем в Литве — это результат ее противостояния и ее сопротивления Москве, ее углубляющейся духовной и политической конфронтации с центром. Это чувство уважения и любви к себе, многократно усиленное возбужденным блокадой неуважением и неприязнью к ее инициаторам. Права была Казимера Прунскене, когда сказала: блокада означает фактическое признание нашей независимости от СССР, потому что блокада может быть осуществлена только по отношению к другому государству. Но я совсем не уверен, что такой способ признания независимости и возбуждения национального подъема самый целесообразный для центра. Во всяком случае, над уроками Литвы есть смысл очень хорошо подумать, прежде чем отвечать на решения, принятые на днях в Латвии и Эстонии.

29 мая 1990 года

И все-таки Борис Ельцин... Кто бы и как бы ни относился к нему, я думаю, что из всех возможных сегодня исходов этот наилучший. Он лучший уже потому, что другие хуже.

Начну с того, что всем очевидно и о чем с трибуны съезда было сказано не раз. О том, что почти никак не связано с личностью Ельцина, его возможностями как лидера и даже с его программой. Все это важно и достойно обсуждения, но все это не имело, пока шли выборы, сколько-нибудь серьезного политического значения. Миллионам наших с вами соотечественников важно было только одно: будет опальный Ельцин во главе республики или нет. От этого зависело, зависит и какое-то время будет зависеть их доверие или недоверие к съезду и перестройке вообще, их готовность или неготовность переносить выпавшие на их долю житейские неудобства и искать здравые способы избавления от них. Совершенно бесплодно и неуместно обсуждать сейчас вопрос, поможет им, то есть нам с вами, Борис Николаевич или нет. На этот вопрос ответит только жизнь. Но не надо ждать ее ответа, чтобы понять: в сложившейся обстановке от избрания или неизбрания Ельцина зависела и судьба перестройки, и политическая судьба ее инициатора, судьба Горбачева.

Ельцин нужен, просто необходим Горбачеву во главе России, так как он, Ельцин, готов взять на себя ответственность за республику в очень сложный, критический момент, и у него при этом есть перед Горбачевым и любым кандидатом из его команды два очень важных преимущества, позволяющие несравнимо решительнее двинуться в сторону рыночной экономики: у него есть, во-первых, доверие населения и, во-вторых, нескованность путами аппаратных связей и повязанностей.

Похоже, однако, что Горбачев опасался и опасается, что именно эти преимущества могут обернуться против него. Не исключаю, что так оно может и быть. Все дело в том, однако, что у нашего Президента не было выбора: с Ельциным или против него. Выбор был другой: или вместе с Ельциным, то есть в нелегком, требующем каждодневного напряжения диалоге с ним, вперед, или против Ельцина — назад.

Я говорю «назад» с полной ответственностью. Потому что и наш Президент, и российский съезд выбирали не между радикалом Ельциным и центристом Власовым. Нет. Президент и съезд выбирали между радикалом Ельциным и консерватором Полозковым. Съезд — потому, что в большинстве своем именно с нынешним официальным центристским курсом связывал все нынешние беды и тупики перестройки, а Президент — потому, что понимал это. Съезд нерешительно, с мучительными сомнениями и колебаниями, отдал предпочтение Ельцину. Горбачев, чтобы не допустить избрания Ельцина, готов был предпочесть Полоз-

кова и поставить себя под такой удар массового политического сознания, который ему еще выдерживать не доводилось. Это грустно, но это факт.

Российский съезд выручил Горбачева, а быть может — и перестройку. Вынужденный выбирать между надеждами народа и опасениями нынешнего аппарата, он выбрал надежды народа и не дал образоваться правоцентристскому блоку в верхних эшелонах власти. Это не значит, что центристская группа Горбачева после сегодняшних выборов немедленно объединится с левыми. Но победа лидера демократического блока Ельцина в такой республике, как Россия, означает, что долго вибрировавшая на месте стрелка политического компаса реально сдвинулась влево, что парламентские органы теперь уже не только в Прибалтике перестают прислушиваться к нашептываниям из коридоров старой власти и стараются улавливать звуки за стенами парламента, а точнее — не пытаются больше закрывать уши, чтобы уберечь их от доносящегося оттуда народного гула.

И все это, повторяю, на пользу, а не во вред Горбачеву, если он, конечно, хочет двигаться вперед. Потому что Ельцин в оппозиции и Ельцин у власти — это совершенно разные вещи. Оппозиционера Ельцина можно было критиковать, можно было пробовать выставить его в не очень приглядном свете, можно было от него прямо или косвенно отмежеваться, чтобы продемонстрировать лояльность по отношению к аппарату. Но Ельцин во главе России — это сила, ради союза с которой полезнее поссориться с аппаратом, чем искать его любви и поддержки, это сила, на которую можно опереться, если есть желание продолжить демократизацию партии и государства, если есть стремление встать на трудную дорогу, ведущую к рыночной экономике, а не искать легких путей к ней в обход нее, которые ведут в никуда, так как означают бег по кругу с постоянными возвращениями от недостигнутых целей в исходное положение.

Короче говоря, не будем преуменьшать значение победы, одержанной сегодня демократическими силами. Но не будем и преувеличивать его. Жизнь уже должна была научить нас: чем больше эйфории и иллюзий, тем мучительнее и безысходнее разочарование. Демократические силы в российском парламенте не составляют устойчивого большинства, они не едины, и это будет сказываться тем чувствительнее, чем конкретнее будут обсуждаемые проблемы. Предстоит кропотливая, быть может, изнурительная работа, прежде чем удастся достигнуть согласия, и дай, как говорится, бог, чтобы это удалось.

Но какие бы трудности и даже тупики ни поджидали российский парламент, раздробленный на десятки блоков и групп, в его стремлении образовать работоспособную политическую коалицию, отметим сам факт: высшие органы власти России впервые будут складываться не под диктовку аппарата, а демократически. Идея «круглого стола», которая многим из нас еще вчера казалась от реальности очень далекой, сегодня становится самой этой реальностью в крупнейшей республике страны. Причем обратите особое внимание — «круглый стол» созывает не власть, нуждающуюся в сотрудничестве с оппозицией ради разделения ответственности с ней, а один из лидеров оппозиции, ставший властью, то есть сумевший получить ее до и помимо всяких «круглых столов» от большинства народных представителей, захотевшего услышать и услышавшего голос тех, кого они представляют.

И это тоже очень важный результат закончившегося сегодня избирательного марафона. Быть может, самый важный.

11 июня 1990 года

У меня не вызывает сомнений, что главное политическое событие нашей внутренней жизни последних дней — это обсуждение на Съезде народных депутатов России Декларации о ее государственном суверенитете. Съезд, как вы помните, вернув декларацию на доработку, тем не менее большинством голосов поддержал радикальную редакцию основного тезиса, при которой законы России получают преимущество перед законами Союза.

Р. Сурьянинов
КУДА ИДЕМ!

Вы видели, как зал (вернее, его большинство) стоя аплодировал своему решению, видели, как не смог скрыть радость и удержаться от двух робких хлопков очень старающийся быть бесстрастным председательствовавший Ельцин. Но вы заметили, наверное, что многие не встали и аплодировать не стали, а по предшествующим голосованию выступлениям их представителей вы могли понять, почему на их лицах не было воодушевления: столь радикальное решение вопроса о государственном суверенитете России казалось им ведущим к неминуемому распаду Советского Союза.

Если бы я хотел просто бросить еще один камень в огород нынешних консерваторов, то я не стал бы выступать с этим комментарием. Еще меньше вижу я свою задачу в том, чтобы кого-то успокаивать и кому-то напоминать, что Декларация о суверенитете ставит законы республики в прямую зависимость от нового союзного договора и что она призывает не выходить из Союза, а, наоборот, оставаться в нем. Все это не раз и не два говорилось на съезде, но все это наших правых не убеждало, и вот о том, почему они не хотели или не могли убеждаться, есть смысл порассуждать.

Можно, конечно, объяснить это кастовыми интересами партийного и других аппаратов, основная сила которых в бюрократических связях с союзным центром. Но это объяснение будет столь же правильным, сколь и неполным, а потому и не очень убедительным. Неполным, потому что за консервативной заботой о неделимости СССР скрывается не просто групповой интерес, но интерес, считающий себя наследником глубокой и могучей традиции, которая складывалась не только последние семьдесят два с половиной года, а несколько последних столетий.

Ведь неспроста же, совсем неспроста не только консерваторы, но и люди, которые сумели убедить общественное мнение в своей горячей нелюбви к консерваторам, неожиданно для многих заговорили на их языке и начали публично возмущаться абсурдной, по их мнению, идеей российского суверенитета. Они считают ее абсурдной, потому что читали в свое время учебники истории и знают, что России, отделенной от центра и независимой от него, не существует лет этак четыреста, что Россия — это и есть наш центр, к которому по доброй или не совсем доброй воле присоединились другие народы, тоже считавшиеся поэтому входящими в Россию. Неудивительно, что едва была выдвинута идея суверенитета самой большой нашей республики, как появились недоумевающие люди с недоуменными вопросами: как это так? Как это Россия (то есть центр) может отделиться от центра (то есть от самой себя)?

Сразу скажу, что не считаю эти вопросы абсурдными или нелепыми. Наоборот, я считаю их очень важными и серьезными. Едва ли можно лучше, чем этим недоумением, передать грандиозность, эпохальность предстоящего нам исторического поворота. И едва ли можно лучше продемонстрировать полное непонимание этой эпохальности.

Россия могла быть центром, а нецентр не мог не быть частью России, переименованной потом в Советский Союз, до тех пор, пока страна была военной империей, пока ее объединяло общее ощущение внешней угрозы, которое Сталин научился постоянно укреплять и обострять, изобретая врагов внутренних, помогающих заграничным. Без образа врага известная вам идеология социалистического интернационализма ничего бы в нашей стране не цементировала, не скрепляла бы даже то, что ей удавалось скреплять. Но если центральная власть перестает пугать происками мирового империализма и явно или неявно признается, что никто на нас нападать и порабощать больше не собирается, то имперский интернационализм моментально начинает разрушаться, причем не только на окраинах, но и в республике, которая называется РСФСР. Вспомните хотя бы призыв резервистов во время январских событий в Баку, вспомните, что на следующий день их вернули домой, вспомните, что вернули их после того, как их матери, сестры и жены вышли на улицы, вспомните неслыханные, невозможные раньше вопросы: если о н и воюют, то почему н а ш и мужья и братья должны проливать свою кровь? Я думаю, что эти женщины были первыми, кто провозгласил суверенитет России. И я думаю, что уже тогда союзный центр, вынужденный отозвать резервистов, должен был понять, что не признать он его не может.

Да, но зачем все же России отделяться от центра, то есть переставать им быть? И что это за центр такой будет — сам по себе, без России? Кому и зачем он будет нужен?

Но в том-то и эпохальность предстоящего нам исторического сдвига, что сегодняшний и завтрашний центр, в отличие от вчерашнего и

позавчерашнего, только тогда и сможет стать центром, когда он приобретет независимость от России, а она — вместе с другими республиками — от него. И это будет вовсе не распадом страны, а, наоборот, его предотвращением, между тем как непонимание этого как раз и ведет к распаду, что мы в последнее время и наблюдаем. Не забудем все же, что мы настроились двинуться от военно-бюрократических связей к рыночным. Военно-бюрократические связи — это сверхцентрализация. Рынок же — это всегда децентрализация. Но децентрализация в стране с десятками народов и культур не может быть не окрашенной в национальные цвета. И РСФСР тут ничем не отличается от любой другой республики.

Хорошо, но зачем же тогда все-таки центр? Останется ли для него работа? Я думаю, что как раз сейчас ее становится все меньше, и она все меньше нужна, а при независимых республиках ее в наших условиях может оказаться немало. Потому что ни одна республика не готова и в обозримом будущем не будет готова к конкуренции на мировом рынке. Значит, они будут нуждаться друг в друге. Как бы независимы они ни были. А это значит, в свою очередь, что они будут нуждаться в сильном координирующем центре, которому передадут соответствующие полномочия. И все дело к тому только и сводится, чтобы они передали их добровольно и сознательно, передали то, что считают нужным и выгодным для себя, а не под диктовку Кремля. Это и называется новым союзным договором, без которого, как теперь уже очевидно многим, никаких глубоких реформ, в том числе и в экономике, у нас не будет и быть не может.

Российский съезд народных депутатов сделал важный шаг, подталкивающий центр к такому договору. Тем более важный, что и центр, кажется, начинает понимать, что прежняя его роль исчерпана, что огромный имперский период завершен и одна эпоха сменяется другой. Во всяком случае, в интервью телекомпании Би-би-си Горбачев впервые определенно заявил, что центр впредь будет претендовать на пользование только — цитирую — теми правами, «которые делегированы ему самими республиками и закреплены в Конституции».

Очень хочется верить, что новые слова станут началом перемен не только на словах.

15 июня 1990 года

Кажется, что-то опять сдвигается в нашей политической жизни, какие-то, казалось бы, безнадежно запутанные узлы начинают развязываться.

Вы, конечно, помните, что Президент страны, выступая на сессии Верховного Совета, впервые заявил о своей готовности не настаивать на отмене акта о независимости Литвы от 11 марта и удовлетвориться приостановкой его действия хотя бы на время переговоров. Потом состоялось заседание Совета федерации, где Горбачев изложил свой новый подход к решению национального вопроса, подход, о котором нам с вами сообщили пока не очень много, но который, судя по их заявлениям, вызывал сочувствие даже у руководителей прибалтийских республик. На этой же основе состоялось и политическое взаимопримирение Горбачева с Ельциным. Наконец, Верховный Совет СССР, обсуждая постановление о переходе к рыночной экономике, недвусмысленно высказался о том, что из центра в такой стране, как наша, никакие серьезные реформы провести нельзя, что центрами их проведения могут быть только республики, в частности, их парламентские органы. Говоря иначе, события трех последних дней наводят на мысль, что жизнь все-таки берет свое и что наш Президент пришел к разумному решению использовать свои полномочия для того, чтобы передать значительную часть полномочий из центра в республики. Похоже, неоднократно высказывавшиеся соображения о том, что, пока не будет нового союзного договора, не будет ничего, кроме разложения и распада, закладывается в фундамент официальной политики. Если это так, то это можно приветствовать как завоевание демократии. Но, с другой стороны, если это так, то очень важно понять, почему это стало возможным и тем самым понять, благодаря чему возможны завоевания демократии.

Это тем более важно понять, что речь идет не столько о чьих-то вчерашних ошибках и заблуждениях, сколько о том, как не повторить их сегодня и завтра. Потому что у демократии есть завоевания, но она еще не завоевана. И сейчас мы подошли к такому рубежу, когда ее противники в высших эшелонах руководства, забыв о своей былой горячей любви к единству, впервые — как много за эти три дня произошло впервые! — открыто и определенно выступили против курса Горбачева. Вы знаете, конечно, что Егор Лигачев на только что закончившемся крестьянском съезде публично призвал к сопротивлению этому курсу, к консолидации всех сил, заинтересованных в восстановлении порядка и не склонных поступаться принципами. И главное обвинение в адрес Президента, главное яблоко раздора в верхах — именно национальный вопрос, взаимоотношения между центром и республиками, судьба военной империи.

В прошлом комментарии я подробно говорил о содержании борьбы между консервативными и демократическими силами по этому вопросу. Сегодня, после того как реформаторское и консервативное крыло центрального руководства обнародовали свои принципиальные разногласия, на передний план выдвигается вопрос о взаимоотношениях реформаторов в центре и цивилизованных движений национального возрождения в республиках, включая Россию, о формировании демократического блока против имперского консерватизма. Реформаторам в центре предстоит трезво взглянуть на всю историю своих сложных отношений с этими движениями и отдать себе ясный отчет в том, что они могли оставаться реформаторами не вопреки, а благодаря стихийной национальной демократии, которая, казалось бы, только и делала, что мешала, проявляла недопонимание, толкала под руку, бежала впереди прогресса и осложняла реформаторам их и без того нелегкое совместное проживание с консерваторами.

Начиная с осени 1988 года, когда в прибалтийских республиках стали принимать законы, не согласующиеся с Конституцией СССР, мы слышали предостерегающие голоса и призывы образумиться, обращенные к неразумным людям, которые, мол, не ведают, что творят, а творят они ни много ни мало то, что мешают реформаторам творить перестройку или, что то же самое, помогают консерваторам похоронить ее. Не буду вспоминать все случаи, остановлюсь на последнем — самом ярком и впечатляющем. Когда Литва объявила о восстановлении своей независимости, многие умные и вполне либеральные политики начали убежденно доказывать литовским коллегам, что вызывающее поведение Вильнюса означает «конец перестройки». Потом тем не раз и не два приходилось слышать о себе нелестные отзывы как о никудышных политиках, своими детски авантюрными поступками загнавшими в тупик не только Вильнюс и Москву, но и Вашингтон и другие большие столицы.

Конечно, литовские парламентарии 11 марта начали политическую игру не по правилам. Но, во-первых, они сделали это только потому, что разуверились в доброй воле центра и в его способности, играя по правилам, считаться с чьими-то интересами. А во-вторых, если реформаторский центр действительно готов сегодня к заключению нового союзного договора, то есть к получению своих полномочий не от самого себя, а от республик, то этой своей нынешней готовностью он едва ли не в первую очередь обязан бросившей ему вызов Литве и ее последователям. День 11 марта, который поспешили назвать «концом перестройки», стал, наоборот, началом нового ее этапа, сообщил столь необходимое ей ускорение. Он не только не загнал ее в тупик, но помог, быть может, избежать неизбежного тупика, в который завели бы опыты по проведению реформ из центра, игнорирующего стремление республик к суверенитету.

Да, реформаторы могли оставаться реформаторами и подойти к нынешним новым подходам только благодаря литовской, латвийской, эстонской, а теперь уже и российской демократии, направленной против монополии центра. Это стихийная, незапланированная демократия вводила в политическую игру новые силы, меняла общее их соотношение в свою пользу, испытывала на прочность вековые имперские устои и традиции, выявляла, кто есть кто на политической сцене, помогала центру определить меру своих реформаторских возможностей и невоз-

можностей, а республикам — очертить зону реализма или, говоря иначе, найти ту грань, за которой романтический порыв к свободе грозит обернуться несчастьем. В конце концов ведь даже экономическая блокада Литвы — это то большое худо, в котором, как и во всем, есть свое небольшое добро. Блокада показала республикам и центру, в чем и насколько они друг от друга зависят. Она показала республикам и центру, как ведет и поведет себя в случае конфликта Запад.

Демократическое национально-освободительное движение заставило реформаторский центр повернуться к нему лицом. И тем самым отвернуться от консерваторов. Те, в свою очередь, в долгу не остались. Кто-то, возможно, огорчится, что плохо скрываемая трещина конфликта в наших верхах стала доступной для всеобщего обозрения щелью. Понятно, что стабильности нам это не прибавит. Но я думаю, что можно все-таки и порадоваться: как ни крути, а вместе с консерваторами легко разве что топтаться на месте с зовущими вперед знаменами демократии над головой, но двигаться в сторону демократии в одной упряжке с ними тяжеловато. Поэтому пусть каждый побыстрее выберет свою дорогу и подбирает в спутники тех, с кем ему по пути.

25 июня 1990 года

Несколько месяцев назад, когда впервые громко заговорили о создании Российской компартии, трудно было предположить, когда и как она возникнет, кому ее создание окажется полезным, а кому не очень. Теперь, когда закончилась конференция российских коммунистов, спешно преобразованная в Учредительный съезд, роль и место пятнадцатой республиканской компартии стали очевидными: ей предстоит выступить политическим противовесом тем силам, которые поддерживают Ельцина в парламентских органах России и тем настроениям, которые поддерживают эти силы за стенами парламента.

Вы знаете, что съезд проходил под диктовку аппарата, что почти половина его делегатов — освобожденные партийные работники. Вы слышали, каким языком говорили многие из них, выходя на трибуну или к микрофону в зале, и вы поняли, конечно, что на этот раз они говорили не на заимствованном перестроечном жаргоне, а на своем родном политическом языке, который мы начали уже было забывать. Вы помните, как обрушивались они на новые слова, на все эти «плюрализмы» и «консенсусы», которые вынуждены были заучивать и от которых с вызовом теперь освобождались. Вы не забыли, разумеется, какими радостными, громкими и дружными хлопками встречал зал каждый выпад в адрес центрального руководства и Горбачева особенно, и вы, конечно, не могли не задуматься: да что же это такое происходит? Ведь раньше этим занимались левые, правые же ими возмущались, и вот поди ж ты: не легкомысленные радикалы, а солидные и серьезные труженики аппарата требуют от Горбачева, чтобы он поделился с кем-нибудь другим одной из двух своих высших должностей, а именно — постом генсека. Ну и наконец, избрание руководителем Российской компартии бывшего соперника Ельцина Ивана Полозкова, политические воззрения которого в последние полгода ни для кого не секрет.

Так что же все это значит? А это значит, что партийный аппарат в трудной для него обстановке, когда его власть и влияние могут вот-вот остаться лишь приятным воспоминанием, нашел в себе силы не только сплотиться, но и привлечь достойных союзников в генеральских мундирах, обиженных на политическое руководство: мы, мол, вас защищаем, а вы не умеете быть благодарными, берете пример с Хрущева, который нехорошо обошелся со спасшим его от Берии маршалом Жуковым. Это значит, что партийный аппарат созрел для того, чтобы устами разных своих представителей на съезде российских коммунистов предложить Горбачеву одно из двух: или считаться с аппаратом, как с реальной силой, или оставить пост руководителя партии, не мешая аппарату позаботиться о себе самому.

Вы спросите, возможно, о том, каким же это образом и благодаря чему партийные функционеры остаются до сих пор политической силой, чувствующей себя способной диктовать другим свои условия и навязывать свои правила игры? Вы скажете, быть может, о том, что шестая статья Конституции отменена, что в хозяйственную жизнь парткомам вмешиваться не рекомендуется, что доверием в народе они давно не пользуются, что в некоторых республиках коммунисты уже не представляют правящую партию, что первый Съезд народных депутатов России отдал высший государственный пост человеку, порвавшему с аппаратом и сделавшему громкое политическое имя на противоборстве с ним. Все это вы сможете вспомнить и сказать, и все это будет правда, но этим вы не докажете, что власти у парткомов нет, а докажете, что корни ее нужно искать не совсем там, где они были раньше.

Чтобы понять это, достаточно всего двух цифр. По данным социологов, около 25 процентов членов КПСС поддерживают «Демократическую платформу» (согласно некоторым опросам, их число достигает даже 40 процентов). А на XXVIII съезде партии и соответственно на российский съезд коммунистов прошли всего 2 процента представителей этой платформы. О чем это говорит? О том, очевидно, что силы аппарата организованы в 15—20 раз лучше, чем силы демократии. И не только внутри партии. Скажем, доля людей, сочувствующих демократам того же российского парламента (не говоря уже о всесоюзном), несравнимо выше, чем доля самих демократов в представительных органах. И только там, где против партийного аппарата удалось выставить не только добрые чувства разъединенных людей, а более высокую, чем у него, организованность (в Прибалтике, Москве, Ленинграде), у него была отнята привилегия влиять на ход и результаты выборов. А значит, и привилегия быть давящим большинством в новых органах власти, привилегия монопольного контроля над ними, которая есть не что иное, как приспособленная к временам и нравам парламентских выборов и дебатов так хорошо знакомая нам монополия на власть.

Вот эту-то монополию и отстаивал Учредительный съезд коммунистов России, а точнее — его аппаратное большинство. Вспомните, как заволновалось оно, когда на проходящем рядом Съезде народных депутатов начали обсуждать Декрет о власти, который мог запретить существование и деятельность партийных организаций на предприятиях и в учреждениях, а также в армии и КГБ. Партийных функционеров не очень беспокоило, сохранится ли за ними право совмещать партийные и государственные посты; они его легко уступили, так как им важно не столько возглавлять органы государственной власти, на которых сегодня вся ответственность, сколько сохранить высокооплачиваемые должности в партии и возможность уходить с них на государственные, сохранить ее аппарат и ее организации по месту работы, которые, с одной стороны, оправдывали бы существование этого аппарата, а с другой — позволяли влиять на формирование, а значит, и на решения всех выборных институтов власти. На съезде российских коммунистов аппарат отстаивал свою привилегию — быть самой организованной политической силой в республике. И он ее отстоял, а быть может, и упрочил, если учесть, что его новый лидер Иван Полозков сразу же после избрания заявил о своем намерении создать какие-то новые низовые партийные подразделения.

Остается напомнить, что Горбачев не стал возражать на съезде против идеи партии-авангарда, не стал настаивать на превращении ее в парламентскую, а, наоборот, решительно поддержал эту идею, за которой не стоит ничего, кроме желания партийного аппарата самосохраниться и не растерять свое дорогостоящее преимущество в организованности. Кто-то наверняка выразит свое недовольство тем, что наш Президент в который уже раз не решился порвать с партократией, более того, выразил намерение и впредь возглавлять ее, сохранив за собой пост Генерального секретаря. А кто-то, быть может, услышав все, что Горбачеву пришлось выслушать на съезде от своих товарищей по партии, постарается понять его: как же, мол, может он отдать самую мощную организацию, не имея взамен равной ей и не располагая большинством в парламентских органах, чтобы распустить ее? Иными словами, как может он освободиться от ее опеки, оставаясь при этом демократом и не прибегая к силе, которой, во-первых, может не хватить и использование которой означало бы, во-вторых, конец демократии?

Разные могут быть мнения. Что касается меня, то я думаю, что привилегия организованности может быть отнята у партийных функционеров не Богом, не генсеком и не Президентом, а только большей и луч-

шей организованностью тех, кто им противостоит. Это — единственная мысль, которая возникла в моей голове и осталась в ней после того, как упорядочились незабываемые впечатления от Учредительного съезда компартии России.

13 июля 1990 года

Вот и XXVIII съезд КПСС отшумел, отошел в прошлое. Съезд еще раз показал, что вопрос о партии и ее судьбе не имеет того значения, которое ему многие придают, что он перестал быть главным еще в тот день и час, когда партия отказалась от монополии на власть, изменив шестую статью Конституции. Конечно, итоговую точку ставить рано, ее поставит жизнь. Но уже задолго до съезда стало ясно, что партия, служившая политическим и идеологическим скелетом империи, не выдерживает перегрузок, возникающих при национальном пробуждении и подъеме народов. Задолго до съезда стало ясно, что национальные движения в республиках отодвигают коммунистов на обочину истории, и потому так грустно было смотреть и слушать, как представители прибалтийских компартий все еще надеялись придумать очень нужные и очень сильные слова и вписать их в партийный Устав, и вернуть с их помощью назад уже ушедший поезд. Грустно было слушать и тех, кто спорил с прибалтами, надеясь, что, вписав в Устав другие слова, а именно — о независимости компартий и их праве создавать собственные программы и уставы,— можно перехватить национальное знамя. Не надо быть пророком, чтобы в Молдавии, Грузии, других республиках предвидеть повторение прибалтийских партийных расколов, а если вспомнить о том, что Бразаускасу в Литве даже ценой раскола не удалось разыграть национальную карту, то можно легко предсказать и общий результат. Наверное, Борис Ельцин все это хорошо продумал, прежде чем вышел на трибуну съезда и зачитал заявление о выходе из КПСС. Он понял, наверное, что дорога Лансбергиса и Прунскене надежнее, чем дорога Бразаускаса, и решил не испытывать судьбу. Он усвоил, очевидно, уроки Восточной Европы, которые заключаются в том, что трудно, почти невозможно стать серьезным реформатором, особенно в экономике, оставаясь коммунистом.

Вопрос о КПСС не главный сегодня и потому, что, двигаясь вперед, от аппаратной или, что то же самое, авангардной партии к парламентской, она будет саморазрушаться и утрачивать влияние, а двигаться назад, к всевластию партаппарата ей уже не по силам. Кстати, XXVIII съезд заставил усомниться в том, что мы верно оценивали происходившее на Учредительном съезде Компартии России. Почти все мы усмотрели в нем мощное и организованное контрнаступление консерваторов, убедительную демонстрацию ими своей силы. Теперь, после XXVIII съезда, у меня лично не вызывает сомнений, что вся эта шумная атака была не от избытка, а от недостатка силы.

Вспомним: ведь никакого другого политического курса они противопоставить Горбачеву не смогли, ведь лидера из своей среды они сумели подобрать себе, прямо скажем, не выдающегося, ведь генерал, которого они выставили, чтобы постращать зарвавшихся перестройщиков, слишком мелковат для диктатора. Вспомнили? А теперь добавьте к этому кое-что из виденного и слышанного во время телевизионных передач с XXVIII съезда. Уж как критиковали Горбачева, как ругали, но вот дошло дело до дела, то есть до выдвижения кандидатур на должность генсека, и оказалось, что выставлять против Горбачева некого, что конкурентов ему в который раз искали в его же команде, а это означало, что его снова оставили без конкурентов.

Задумайтесь, это же очень показательно: на съезде, состав которого так тщательно отсортирован партаппаратом, на съезде, где три четверти делегатов голосуют против слова «рынок», затем почти столько же голосуют за сохранение за Горбачевым высшего партийного поста. Голосуют после того, как он им за их нелюбовь к рынку, а заодно и кое-что еще крепко всыпал и, не таясь, заявил, что слушаться их не будет, а будет делать то, что считает нужным. Вдумайтесь: на съезде, где воздух пропитан неприязнью к радикалам, претендент на роль первого лица перед самым голосованием не боится обрушиться на консерваторов, едва ли не впервые за последнее время даже не упомянув о левой опасности!

О чем это говорит? Это говорит о том, что консерваторы сегодня на самостоятельную политику не способны и не претендуют. Это говорит о том, что не столько Горбачев нуждается в партаппарате, сколько партаппарат в нем, и если не все аппаратчики голосовали за то, чтобы Президент оставался генсеком, то это оттого, что не поняли еще, в чем их интерес. Потому что слева от Горбачева — внушительная фигура порвавшего с аппаратом Ельцина, Ельцина, получившего власть и пользующегося народной поддержкой, Ельцина, которого боязно даже критиковать, что бы он там ни наговорил, и которого, насколько помню, на съезде только Горбачев и решился тронуть.

Естественно, такой союз между Президентом и партаппаратом мыслим лишь в том случае, если позиции аппарата сохраняются. А они съездом сохранены — по крайней мере, ровно настолько, насколько их можно еще сохранить и удержать. И так как Горбачев на это идет, то аппарат — во всяком случае, его реалистичные, понимающие свои интересы представители — даже не стал навязывать ему в заместители Лигачева, дабы не осложнять его положение. Потому что понял: партия, в которой вторым человеком будет Егор Лигачев, сегодня обречена.

После того как группа левых, не удовлетворившись уступками, которые им были сделаны на съезде, призвали своих сторонников к созданию новой партии, стало очевидным, что главным итогом всесоюзного собрания коммунистов стало создание центристско-правого блока в КПСС. Да, именно так: не правоцентристского, а центристско-правого, потому что центр во главе с Горбачевым усилил свои позиции по отношению к аппарату, сохранил политическое пространство, в котором можно при случае и желании двинуться дальше влево, если левые усилятся, между тем как аппарат пространства, а значит, и возможности для движения почти лишен, впереди у него ничего, кроме трудной обороны, нет, и большинство, которое он, похоже, сохранил в новом ЦК, ему вряд ли серьезно поможет.

Оборонять же ему придется сохраненное за ним право быть «авангардом». Я имею в виду не слово. Я имею в виду, что «аппарат» может быть авангардом до тех пор, пока он сохраняет себя как аппарат. До этих пор его партия имеет преимущество перед всеми другими партиями, у которых такого аппарата нет хотя бы потому, что им нечем его оплачивать. Вот в чем суть всех нынешних споров об имуществе КПСС. Вот в чем смысл бурной съездовской полемики о членских взносах. Вы помните, конечно, как вылетел на трибуну взволнованный делегат и предупредил, что предлагаемое кое-кем уменьшение суммы взносов сразу приведет к закрытию райкомов, так как их аппарат не на что будет содержать, а без райкомов партия развалится. По этой же причине так горячо отстаивается право сохранять партийные организации на предприятиях и в учреждениях: без этого, мол, не устоим, все от нас разбегутся.

Удерживая все эти преимущества, партия-авангард рассчитывает сохранить политическую монополию в обстановке многопартийности. Потому что все эти преимущества, как я уже говорил в прошлом комментарии, означают превосходство в организованности, они позволяют влиять на ход и результаты выборов, обеспечивать большинство в представительных органах и диктовать им выгодные для себя решения, блокируя невыгодные. Сохраняя все эти преимущества, самая недемократическая в стране политическая организация держит под своим контролем нашу нарождающуюся демократию.

Вот на какой основе сложился на съезде центристско-правый блок. Но я не думаю, что он будет долговечным. Во-первых, результаты выборов в Прибалтике, Москве, Ленинграде показали, что демократические силы могут, если захотят, противопоставить хорошей организации аппарата организацию получше. Во-вторых, призыв к созданию новой партии известных лидеров «Демократической платформы» и выход из КПСС Ельцина приведет, наверное, к выходу из КПСС многих рядовых коммунистов. В-третьих, напомню об одном из требований шахтеров, забастовавших во время съезда,— о требовании убрать с шахт парткомы.

Хочу еще раз повторить, что сила партаппарата не в решениях съездов и даже не в поддержке со стороны Президента, а в готовности содержать его, которую до сих пор молчаливо изъявляли почти 20 миллионов членов КПСС. Нет никаких оснований предполагать, что эта готовность будет сохраняться вечно. Зато предположить обратное основания есть.

ТРИ КИТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ

Новые механизмы социальных, политических и экономических реформ ныне разрабатываются нами не столько исходя из объективных законов развития социального мира (мира социальной формы движения и материальных носителей ее, представляющих собой социальные виды материи), сколько путем субъективных экспериментов, проб и ошибок.

Так, ныне всем нам представляется, что экономическую реформу необходимо начинать с перехода на регулируемую рыночную систему с социальной защитой трудящихся, что самое главное в советской экономике сегодня — это рынок, это обмен, перераспределение собственности (доли результата труда) индивида, коллектива и народа внутри и вне страны, что законы рыночной жизни вполне достаточны для быстрого и эффективного выведения страны из экономического кризиса.

Однако отказ от других основных механизмов хозяйствования и надежда на всесилие рыночного механизма может обернуться, на мой взгляд, очередным неудавшимся социальным экспериментом.

Сегодня экономическую реформу необходимо начать, как мне представляется, с разработки и претворения в жизнь прежде всего механизма оценки труда и результата труда индивида, коллектива и народа, затем — механизма распределения долей результата труда (собственности) между трудящимся индивидом и обществом и только после этого, наконец,— механизма свободного обмена, распределения долей результата труда — свободного рынка со свободной ценой.

Если же разработать и претворить в жизнь все эти три механизма не в определенной последовательности, а параллельно, комплексно-экономическая реформа не только выиграет, но и продвинется намного эффективнее, быстрее и безболезненнее.

К представлениям рабочего без экономического образования можно отнестись, конечно, как к представлениям дилетанта.

Однако нельзя же не учесть то, что рабочий, создавая экономику своими руками, вполне может иметь свои, пусть исходящие лишь из здравого смысла и опыта представления о закономерностях общественного развития.

Так, автору данных строк представляется, что не только социализм, но и коммунизм вполне возможен в отдельно взятой стране, что при этом феодализм, капитализм, социализм и коммунизм — совершенно различные социально-экономические формации — вполне могут в мире мирно сосуществовать, что бороться надо, следовательно, не за окончательное торжество феодализма, капитализма, социализма или коммунизма, а за строгое соблюдение права каждого человека на человечную жизнь при данном общественном строе, что социальная группа, народ и человечество являются основными материальными носителями социальной формы движения и представляют собой основные социальные виды материи, что экономическое движение — производство, оценка, распределение, перераспределение (обмен) и взаимопревращение труда, результатов труда и долей результатов труда (собственности) — осуществляют в основном: при капитализме — индивид и группа, при социализме — индивид, группа и народ, а при коммунизме — индивид, группа, народ и человечество, что социальный индивид, социальная группа, народ и человечество возникают и развиваются не в определенной последовательности, а только параллельно и взаимообусловленно друг с другом.

Социализм должен предполагать, таким образом, осуществление управления экономическим развитием страны — осуществление производства, оценки, распределения, обмена и взаимопревращения труда, результатов труда и собственности в стране — только при совместном, параллельном участии индивида, группы и народа.

Но ныне ни каждый отдельно взятый человек (индивид), ни каждый отдельно взятый трудовой коллектив (социальная группа) и ни народ в нашей стране все еще активно не участвуют в управлении экономическим развитием страны.

До сих пор управление экономикой страны осуществлялось через директивное планирование в центре и выполнение директивного плана на местах любой ценой.

Нет еще у нас до сих пор ни научных критериев оценки и практических способов объективного соизмерения количества и качества труда, результатов труда и собственности, ни моделей, механизмов справедливого распределения и перераспределения (обмена) их.

Труд создал, согласно Ф. Энгельсу, человека.

Труд создал, однако, не только человека, но также и социальную группу, народ, человечество и, следовательно, социальный мир в целом.

Труд социального индивида, социальной группы, народа и человечества тесно взаимосвязан с их собственностью — с остающейся в их пользовании, владении и распоряжении долей материализовавшегося труда, долей результата труда.

Модели экономической реформы, следовательно, должны содержать в себе такие хозяйственные механизмы, которые бы не принуждали, а стимулировали индивида, группу и народ с жаждой и радостью устремиться на изнурительный, но свободный, созидательный, творческий высокопроизводительный труд.

Один из таких основных хозяйственных механизмов — это механизм разумного и справедливого распределения результата труда трудящегося на доли, достающиеся «себе» и «другим».

При феодализме, например, широко применялся наипростейший вариант издольщины — испольщина, при которой крестьянин одну половину урожая оставлял себе, а вторую половину урожая отдавал помещику (феодалу) за аренду его земли.

Такое распределение результатов труда крестьянина — это, как известно, эксплуатация крестьянина.

Сегодня крестьянин тоже имеет право на аренду земли, но не на более лучших, чем при феодализме, условиях.

Однако и сегодня, на мой взгляд, вполне может быть применен не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности этот простейший вариант разделения результата труда на две равные доли, при котором одна доля оставалась бы трудящемуся индивиду, а вторая доля — дарилась бы им обществу, юридическим лицом которого сегодня выступают Советы.

Общество же при этом подаренную ему трудящимся долю может разделить, например, следующим образом.

Одна половина доставшейся обществу доли остается за советом

трудового коллектива предприятия, а вторая половина доли отдается первичному (сельскому, поселковому, производственному, микрорайонному или районному) Совету народных депутатов.

Далее снова одна половина доставшейся первичному совету доли останется за ним же, а вторая половина доли отдается вышестоящему Совету. И так далее вплоть до Совета Президентского (а со временем, возможно, вплоть до Совета ООН).

При этом национальное богатство страны слагается как бы из двух равных половинок: доли трудящегося, являющейся его личной (частной) собственностью, и доли общества, являющейся собственностью Советов.

При таком варианте механизма хозяйствования распределение народного (а не государственного) бюджета и народной собственности начинается снизу — с рабочего и крестьянина — и продолжается далее вверх, в центр, по инстанциям, все время убавляясь, а не прибавляясь. Возможны и другие, более сложные и запутанные варианты механизмов распределения результатов труда, но при любом из них на первом месте должны оставаться интересы трудящегося индивида, на втором месте — интересы совета трудового коллектива и уже только на третьем месте — интересы Советов народных депутатов (ведь только при этом власть государственная может перестроиться во власть народную, в народовластие).

Но разработка и претворение в жизнь такого механизма распределения результатов труда возможны только тогда, когда власть государственная (по примеру власти партийной) добровольно согласится заменить себя на власть народную, на власть Советов.

А все необходимые объективные социальные условия для перехода от государственной к народной власти сегодня уже вполне созрели.

Первое из них — это предоставление индивиду, коллективу и народу права на труд не на словах, а на деле, второе — это предоставление им права на собственность не на словах, а на деле, третье — предоставление им права на перераспределение (обмен) долей результата труда — права выхода на рынок — не на словах, а на деле.

Толкучка, базар, ярмарка, аукцион — это различные разновидности рынка, существующие параллельно друг с другом.

Ныне появилась необходимость дополнения их более высокоорганизованной разновидностью рынка — постепенно вооружающейся компьютерной техникой, местной, региональной, республиканской и всесоюзной информационно-диспетчерской службой при Советах.

При этом каждый индивид или коллектив может обращаться не только к услугам толкучки, базара, ярмарки и аукциона, но и к услугам информационно-диспетчерской службы Советов.

Примитивные формы такой информационно-диспетчерской службы уже существуют — это службы по трудоустройству населения, служба по обмену жилья, служба знакомств, служба по автоперевозке грузов населения, служба сбыта и снабжения промышленными и продовольственными товарами и т. д.

Осталось лишь каждому Совету заинтересованно взяться за создание и развитие сети информационно-диспетчерской службы — новой многообещающей разновидности современного рынка.

Самое главное в советской экономике сегодня — это, таким образом, переход не к рыночной системе, а переход к системе комплексного, параллельного формирования трех основных хозяйственных механизмов экономической реформы:

1) механизма оценки труда и результатов труда индивида, коллектива и народа;
2) механизма распределения результатов труда между трудящимся индивидом и обществом;
3) механизма рынка — обмена (перераспределения) долей результатов труда индивида, коллектива и народа.

Три этих хозяйственных механизма сегодня — это, таким образом, три кита экономики, на которые и должна опираться проводимая в стране экономическая реформа.

Вот такова у меня — у рабочего — концепция экономической реформы.

Владимир Мердеев,
рабочий з-да «Комета»,
г. Ульяновск

ДЕНЬГИ — ТОВАР!

Социалистическая экономика переживает кризис. Какие бы предложения ни выдвигались, возникают три вопроса, на которые пока однозначного ответа нет.

Первый вопрос — как провести экономическую реформу, не снижая фактического дохода малоимущих? А это практически 86% советских трудящихся, 99% пенсионеров и 100% студенчества. Все они имеют реальные доходы, не превышающие средней по стране зарплаты, а следовательно, вынуждены в большей или меньшей степени сводить концы с концами.

Вопрос о повышении доходов малообеспеченным членам нашего общества можно уже сейчас частично решить за счет... добровольного перераспределения личных сбережений, которые к настоящему времени в виде банковских вкладов и того, что хранится в «чулке», составляют более 400 миллиардов рублей.

Второй вопрос — как наиболее безболезненно и в кратчайший срок изъять объем денежной массы, имеющийся у населения?

И третий вопрос — как сделать рубль конвертируемым?

В многочисленных предложениях по решению этих вопросов доминируют два — легализация рынка и резкое расширение номенклатуры товарной продукции, с одной стороны, и обмен денег, реформа цен — с другой.

Первое предложение (рынок) является необходимым и уже большинством экономистов признается, второе вызывает пока противоречивые отклики.

И все-таки еще раз об обмене денег, но как?

1. Существующие рубли частично заменяются альтернативными — бонами.
2. Боны выплачиваются всем гражданам страны в виде % к доходу.
3. Альтернативные деньги являются товаром.

Разберем подробнее эти положения.

Вводим новые деньги — боны.

1. Объем бонов может соответствовать для начала 35—45 миллиардам рублей. Это объем наших экспортно-импортных операций, а следовательно, гарантированно обеспеченный твердой валютой. Цифры здесь

и далее взяты из прессы и приведены лишь для примерной ориентации.

К объему альтернативных денег можно отнести также стоимость товаров, услуг, а также технологий не экспортируемых, но отвечающих требованиям мирового рынка.

Соответствующий объем денег в существующих рублях изымается из обращения.

Курс бонов имеет смысл сразу же привязать к существующей валюте, например, доллару.

Следовательно, с ориентацией на черный рынок, имеем три миллиарда альтернативных рублей (1 доллар — 10—15 руб.).

2. Распределение бонов. Ориентируясь на мировую практику, $^{2}/_{3}$ бонов выделяется на все твердые выплаты всем без исключения советским гражданам на всей территории страны (зарплата, пенсии, пособия...). Это 2 миллиарда альтернативных рублей в год примерно на 300 миллиардов выплат в существующих рублях. Итак, на каждые 100—150 рублей дохода приходится 1—1,5 альтернативных рубля.

Еще раз подчеркнем, каждый гражданин, получающий доход в рублях в государственном учреждении, имеет его частично в бонах.

Что и где можно приобрести на альтернативные деньги?

Имеет смысл организовать для всех граждан магазины по типу «Березки». Для живущих в глубинке организовать доставку товаров, заказываемых по каталогу, почтой. В «Березке» должны продаваться товары повышенного спроса, но такие, без которых можно обойтись в течение двух-трех лет, пока осуществляется денежная реформа. Цены на товары и услуги, оплачиваемые альтернативными рублями, должны соответствовать мировым.

Предполагаемый ассортимент «Березки»:
— меха;
— автомобили;
— аппаратура высшего класса;
— ювелирные изделия;
— весь импорт из капстран, кроме лекарств;
— ковры;
— хрусталь;
— валюта.

За боны предоставляются также:
— услуги в службе быта высшего разряда: гостиницы, пансионаты, и т. д.;
— туристические поездки за рубеж и обменные поездки с капстранами;
— сервис высшего класса, госдачи, персональные автомобили, поликлиники типа 4-го Управления и т. д.;
— транспортные перевозки высшего класса в поездах, самолетах, пароходах.

В частную собственность за боны должны быть проданы:
— излишки производственных средств;
— мелкие предприятия (в том числе гостиницы, пансионаты, парикмахерские);
— жилищный фонд более 20 кв. метров на человека и т. д.

Следующие товары и услуги должны реализоваться за обычные рубли:
— жилая площадь до 20 кв. метров на человека;
— разумный минимум земли;

— продажа садовых домиков, частных домов, стройматериалов;
— аренда служб быта, гостиниц, предприятий;
— книги, театры, компьютеры и т. д.

То есть все то, что должно активно способствовать развитию производительных сил общества и соответствующих производственных отношений на основе разнообразных форм собственности.

3. Статус альтернативных денег. Боны являются товаром. Они могут быть беспрепятственно проданы и куплены на специальных биржах. Курс их на легальной бирже меняется в зависимости от спроса и предложения и безусловно будет гораздо выше государственного. Курс бонов должен сообщаться средствами массовой информации на весь Союз и регулярно. При продаже бонов государством (оставшейся трети бонов) весь объем денег, составляющий разницу между официальным курсом альтернативных денег и биржевым, должен быть уничтожен.

Таким образом, весь объем рублей, соответствующий разнице курсов, образовавшейся при продаже бонов частными лицами, идет на увеличение их дохода, а при продаже государством— на уменьшение общей денежной массы в существующих рублях. Причем и в том и в другом случаях эта разница образуется за счет денег, накопленных населением. Предлагаемый подход позволит обойтись без очередной экспроприации и развязывания «классовой борьбы». Более благородная задача — добиться блага для тех, у кого его нет, чем пытаться отнять у тех, у кого что-то есть. К тому же в рамках сложившейся системы не так просто отделить «вора» от «не вора». Представитель теневой экономики, наладивший подпольное изготовление маек в застойные времена; кооператор, официально торгующий сырьем в перестроечное время, или писатель, во все времена использующий административную должность и так называемые связи для многочисленного переиздания своих книг, имеют один источник дохода — государственную собственность, а следовательно, и одинаковые права на владение своими накоплениями.

Так как боны будут практически у всех граждан СССР, теоретически товары, продающиеся на боны, сможет купить каждый. Хотя, естественно (что, кстати, имеет место и сейчас), доступ к товарам, продающимся на боны, будет более прост для тех, кто уже имеет в наличии большие накопления.

Но малообеспеченные слои населения, продавая свои боны по биржевому курсу, увеличивают свой доход за счет перераспределения накоплений и имеют возможность приобретать гораздо больше товаров и услуг традиционного спроса. Кстати, биржевой курс бонов в некоторой степени будет способствовать погашению инфляционных издержек в доходе.

К тому же, продавая свои боны, граждане страны могут расширить свои интересы за пределы семейной продовольственной программы, обратить свои доходы если и не на товары, которых пока не хватает, то на развитие духовных потребностей: приобретение книг, посещение театров, проведение отпусков, пользование услуг сервисных фирм и т. д. При существующих государственных расценках труда, даже при недавних еще ценах на все перечисленные товары и услуги, непросто было выделить на это средства, а тем более при скачущих ныне ценах.

Владельцы больших накоплений, скупая боны по рыночной цене как у населения, так и у государства, соответственно уменьшают «мертвые» накопления, отдавая часть денег в народное хозяйство.

Имеет смысл допустить возможность коллективного кредитования компаньонов отдельным лицом при ограничении потолка личного (именного) вклада в предприятие. Таким образом, кредитор практически оплачивает все акции предприятия, при этом является владельцем лишь части акций и денежного выражения оставшихся, отданных в долг.

Можно предусмотреть беспроцентное кредитование, но возврат долга уже в бонах, что уже само по себе будет стимулом экономически выгодного кредитования соответствующих предприятий.

По мере экономического развития страны, расширения выпуска качественных, конкурентоспособных товаров количество бонов в обращении будет пропорционально увеличиваться, будет увеличиваться процент оплаты доходов населения в бонах, соответственно, количество существующей денежной массы будет уменьшаться.

4. Во избежание утечки бонов из страны и в целях исключения их складирования боны действуют только на территории СССР, являются временными деньгами и действуют на период реформы, не обеспечиваются никакими активами государственного банка. В конце реформы боны заменяются на конвертируемую валюту. Все не реализованные суммы в рублях упраздняются. Объявление конкретных сроков финансовой реформы придаст динамичность движению существующих накоплений и ускорит процесс превращения рублей в конвертируемую валюту.

Предлагаемый подход к оздоровлению финансового состояния страны (при условии наличия широкого ассортимента товаров в основном за счет услуг, продажи средств производства, предприятий, служб быта и т. д.) вовлекает в товарные отношения практически всех граждан страны, легализует рынок продажи бонов, позволяет соблюсти гарантированное товарное обеспечение альтернативных денег и, следовательно, обеспечивает отсутствие дефицита продажи товаров на боны при наличии дефицита в приобретении самих бонов.

При такой организации финансовой реформы большие накопления естественным образом работают не только на своих владельцев, что позволяет, не изымая насильственно личные сбережения и не проводя болезненную разовую денежную реформу, добровольно перераспределить эти накопления.

Кстати, и реформа цен в этом случае не будет иметь столь тяжелых моральных и материальных последствий, так как в основном будет касаться товаров, продающихся на боны.

Татьяна Семенова,
научный сотрудник МАИ

КАРТОЧНЫЙ ДОМИК ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА

Всего полгода тому назад вряд ли нашелся бы экономист, который мог предсказать поворот одного из наиболее категоричных сторонников рыночной экономики к карточной системе, т. е. к наиболее административному из всех административных типов хозяйственного механизма. Причем карточная система рассматривается им как средство обеспечения социальной стабильности в период введения рыночных отношений.

В данной статье читателю предлагается анализ некоторых аспектов карточной системы и ее дестабилизирующих свойств.

Всякому, изучавшему экономическую историю, известно, что, благодаря изобретению бумаги, китайские купцы уже в глубокой древности получили возможность осуществлять обмен товаров не только при помощи полновесных металлических денег, но и при помощи бумажных.

Экономическая необходимость и человеческая изобретательность уже к XIX веку породили множество форм «бумажек», способных выполнить функции денег: векселя, банкноты, казначейские билеты, облигации, полисы, акции, всевозможные формы закладных и, наконец, продуктовые и промтоварные карточки.

Однако если банкнота или кредитный билет ассоциируются чаще всего со стоимостью или с богатством, то товарная карточка не может не пробудить в нашем сознании горестные образы мировых войн, блокадного Ленинграда и Тани Савичевой. Поэтому, с одной стороны, требуется бездна красноречия, чтобы убедить людей в необходимости введения такой предельно трагической экономической формы, коей является товарная карточка, а с другой стороны, сомнительно выглядит предположение, что советская экономическая наука не способна предложить ничего, кроме возврата к административно-карточной системе хозяйствования эпохи войн и разрухи.

Если задаться целью разработать «новую» экономическую систему хозяйствования при наименьших затратах интеллектуальных сил, то очевидно, что карточная система — это то самое наиболее примитивное решение, лежащее на поверхности, не требующее ни малейшей учености и представляющее собой апогей казарменного мышления.

Сегодня люди сетуют по поводу их прописки по месту жительства, якобы ограничивающей свободу передвижения. Однако не многие пока осознали, что карточная система, особенно в условиях становления регионального хозрасчета и других подобных форм экономического обособления, способна выполнить роль надежной цепи, ибо трудно предположить, что удастся создать всесоюзную систему нормирования и, следовательно, конвертируемую «карточку» всесоюзного образца, имеющую хождение по всей территории страны. Таким образом, выражение «карточная система» — это, по меньшей мере, синоним слова «несвобода», и трудно предположить, что подобная перспектива вызовет у кого бы то ни было прилив энтузиазма.

Кроме того, в строго экономическом смысле, «карточка», т. е. гарантированная минимальная норма и номенклатура потребления, означает сознательное ограничение темпов и масштабов воспроизводства основной части трудового населения, а это, в свою очередь, есть не что иное, как экономический геноцид, отличающийся от полпотовщины лишь большим количеством благих пожеланий. Иными словами, в мирных условиях карточная система — это достаточно эффективный способ узаконивания элитарного способа потребления дефицитных продуктов.

Но даже если предположить маловероятное, что карточная система будет принята населением, то все равно необходимо исследовать проблему совместимости «карточки» и современной советской экономики, чтобы вновь не получить эффект закона о борьбе с алкоголизмом.

Во-первых, карточка, больше чем любая другая экономическая форма, требует прочного гражданского мира в стране, точного, тотального учета и контроля за производством материальных благ, за демо-

графической ситуацией, а также за дифференциацией норм потребления населения по принципу: дети, взрослые, рабочие иждивенцы, интеллигенты и т. д.

Между тем, оставляя в стороне проблему резкого обострения межнациональных отношений, необходимо признать, что самым слабым местом современного хозяйственного механизма в СССР является как раз учет и контроль. Уместно напомнить в связи с этим, что вся интрига повести Гоголя «Мертвые души» основана на попытке Чичикова использовать пороки николаевской системы «ревизских сказок». Значительная же часть современных хозяйствующих субъектов — это специалисты, несущие на себе отпечаток брежневской системы и в совершенстве овладевшие опытом составления «ревизских сказок».

Как известно, попытка совершенствования хозяйственного механизма, начатая в 1979 году, не имела успеха еще и потому, что руководители предприятий сознательно провалили так называемую паспортизацию «своих» производственных мощностей. Можно утверждать, что в условиях самофинансирования учет средств производства и продукции будет еще более затруднительным. Следовательно, непростительным экономическим романтизмом является допущение, что достаточно определить индивидуальный минимум потребления, как будут обеспечены социальные гарантии среднеодаренному большинству населения.

Во-вторых, неотоваренные «карточки» уже сегодня одна из «динамитных» реальностей фрагментарного опыта их применения. Поэтому даже если абстрагироваться от опасности роста спекуляции фондированными продуктами, существует реальная опасность, что номинал карточки всегда будет выше ее обеспеченности товарной массой. Может ли на этой основе существовать гражданский мир? В нынешних условиях почти всеобъемлющего дефицита нормировать придется огромный перечень предметов потребления от туалетной бумаги до анальгина, от мыла до стержней к шариковым авторучкам, от телевизоров до презервативов, от очковых оправ до фаянсовых унитазов, от фототоваров до губной помады и т. д., к чему мы не готовы. Поэтому лечить товарный дефицит карточной системой — это все равно, как считать, что гильотина — единственное средство от головной боли.

В-третьих, одним из наиболее разрекламированных завоеваний современной советской экономической науки является концепция органической взаимосвязи между стимулированием, заинтересованностью производителя и экономическим прогрессом общества. Оставляя в стороне вопрос об авторстве, следует отметить, что гарантированный карточный минимум — первое условие падения трудовой активности и заинтересованности большого количества работников, не обладающих выдающимися данными.

Очевидно, что перспектива получить двойное количество карточек на приобретение двойной нормы колбасы «Останкинская» или икры кабачковой не способна стимулировать работника на удвоенную трудовую активность. Если же превышение над нормой труда оплачивать деньгами, то в условиях нынешней инфляции сумма денег, равная стоимости минимума расхожих потребительских товаров, не может выполнить роль стимула.

В-четвертых, бесспорно, что Советское государство в ближайшее время будет вынуждено в буквальном смысле слова торговать с сельским хозяйством, но, если карточная система будет принята, огромную массу товаров аграрного происхождения придется распределять

среди населения посредством карточек. Можно ли при таком условии когда-нибудь избавиться от дефицита государственного бюджета и инфляции? Разумеется, нет.

В-пятых, в Москве, например, синонимом убогости, обделенности и неблагополучия является ярлык «лимитчик». Причем лимитчика нетрудно «вычислить» по одежде, по манерам, по отрешенному взгляду, по некоторой развязности, когда их много, и по какой-то забитости, когда он один.

Карточная же система поставит гигантское количество людей в положение лимитчиков в своем собственном доме. Можно представить, как будут выглядеть и вести себя люди, одетые в одежды, выданные по карточкам. Думаю, что подобная форма социальной гарантии будет производить впечатление не меньшее, чем звезда Давида в Варшавском гетто и полосатая роба в Бухенвальде, дававшие надежную гарантию на получение брюквенной баланды.

Наше общество и так уже одело почти всех пенсионеров, т. е. своих отцов и матерей, в стандартную обувь «прощай, молодость», однако, видимо, мы еще не достигли предела нравственного падения и остановимся лишь тогда, когда «среднего» человека будет видно за версту.

В-шестых, не углубляясь в марксистские оценки принципа от «каждого по способности, каждому по труду», можно сказать, что введение двух параллельных «валют» — рубля и карточек приведет к росту паразитического, нетрудового потребления детьми преуспевающих родителей. Поэтому можно предположить, что так называемые казанские и люберецкие синдромы получат свое дальнейшее развитие и тысячи озлобленных «робингудов» будут кулаками восстанавливать в подворотнях соцсправедливость. Несомненно, что резко возрастет и количество квартирных краж, всех видов вымогательств и т. п.

Думаю, что существенно поднимется и кривая роста самоубийств среди молодежи, а также конфликтов между отцами-неудачниками и детьми, алкоголизма, наркомании и убийств из корыстных побуждений. На I Съезде народных депутатов СССР известный офтальмолог-бизнесмен С. Федоров не преувеличивая говорил о том, как страшно жить в условиях усиливающейся зависти к чужому богатству. Тем более странной представляется его концепция, оправдывающая углубление дифференциации общества по имущественному и финансовому признаку — объективной экономической основе зависти, преступности, проституции и т. п. Поразительная слепота офтальмолога, который хочет нравоучением усмирить зависть.

В-седьмых, двойная бухгалтерия, утвердившаяся в нашей экономике благодаря теневой, превратится в тройную, усложняя учет и контроль, изводя тонны бумаги, порождая очередной вид фальшивомонетного дела, стимулируя спекуляцию и тому подобные последствия от подобных «чрезвычайных мер». Следует также иметь в виду, что в предлагаемой Г. Х. Поповым системе карточка может получить бо́льшую конвертируемость, чем рубль, ибо она будет более обеспечена товарной массой, чем рубль в системе отсутствующего полноценного рынка. Кроме того, трудящееся население как бы вернется к эпохе, когда капиталисты своих рабочих «снабжали» продуктами из фабрично-заводских лавок, когда право потребителя определялось волей собственника средств производства. Сегодня, умудренные чистым экономическим мышлением, некоторые теоретики хотят вернуть страну к казарменному ка-

питализму и набором карточек определять набор нашего потребления. Неизбежно вслед за этим у хозяйствующих субъектов и бюрократии возникнет «естественная» мысль о постепенном снижении количества и качества продукции, выдаваемой или «продаваемой» по карточкам. И это самая очевидная реальность. Ибо сегодня на все свои экономические трудности предприятия реагируют наиболее простым и самоубийственным образом — повышением цен, фальсификацией качества, т. е. снижением жизненного уровня основной массы трудящихся. Еще более соблазнительным процесс фальсификаций цен и самих товаров станет в условиях карточно-административной системы.

Таков далеко не полный перечень проблем, требующих предварительного теоретического решения, но пока не нашедших его.

Думается, что низкое качество теоретической проработки концепции «карточного социализма» проистекает вовсе не по причине злоумышленных устремлений ее авторов, а под воздействием инерции традиций застойной эпохи в экономической науке, когда степень доктора наук настолько раскрепощала ученого, что он уже не считал необходимым проделывать огромную работу по обсчету и осмыслению альтернативных вариантов.

Вот и сегодня большинство официальных экономистов берут первое, что лежит на поверхности явления, и без долгих мук предлагают сплошные «общие места» в качестве высшего откровения.

Ситуация неординарная.

За шестнадцать лет до начала первой мировой войны русский банкир И. Блиох писал, что «вопросы экономические, связанные с войной, остаются без изучения или рассматриваются чрезвычайно поверхностно... Правда, это дело, с одной стороны, довольно трудное, а с другой стороны, для большинства военных маложелательное, так как серьезные исследования раскрыли бы много тайн и стало бы ясным, что разумное, не нарушающее все народные интересы ведение войны, невозможно» [1].

История повторяется. Только на этот раз не военные, а экономисты, по понятным только им соображениям, рассматривают нынешние жизненно важные проблемы «чрезвычайно поверхностно», и хорошо, если все это не приведет вновь к 1914 году.

Тем не менее, если бы Советский Союз не был моей Родиной, то я потребовал бы самого скорого и безоговорочного внедрения всего пакета предложений Г. Х. Попова именно в той «неразвитой напряженности» (как говаривал Гегель), в какой сегодня они публикуются в периодической печати. Но и в СССР параллельно с осуждением злодеяний Ивана IV пора приступить хотя бы к предметному и гласному обсуждению на страницах печати вклада лиц, персонально причастных к выдаче обществу несомненно сырых рекомендаций, начиная с закона о борьбе с алкоголизмом до проекта Закона о земле и предложений о введении карточной системы.

Сегодня нетрудно предсказать момент, когда во всем случившемся вновь будет обвинен один... а пророки, пережившие развитой социализм и перестройку, будут вновь объявлены прорабами...

В. Подгузов,
кандидат экономических наук

---

[1] *Блиох И. С.* Будущая война в ее техническом, экономическом и политическом отношении. СПб.: Типография И. А. Ефрона, 1898. Т. IV. С. 379—380.

Юрий Рубин,
Василий Шустов

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ЛИЦО ЦИВИЛИЗОВАННОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Может ли конкуренция в экономике служить задачам гуманизации отношений между людьми, иметь, образно говоря, человеческое лицо? Вопрос отнюдь не праздный. Нынче мало кто сомневается в необходимости решительного преобразования производства для производства (т. е., по существу, производства без производства) в производство для потребления — всем надоела ситуация, когда, по ироничному замечанию Михаила Жванецкого, заводы работают у нас не для потребителей, а ради всеобщей занятости. Мало кто, пожалуй, рассчитывает всерьез и на возможность обеспечения подлинного хозрасчета — арендного, кооперативного, акционерного, фермерского, самофинансирующегося — без перемещения рыночных отношений из сомнительных подворотен и подозрительных «толковищ» на легальные просторы, осиянные силой и авторитетом закона. Не случайно, ратуя за широкое распространение конкурентных отношений, Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков недавно подчеркнул, что «...позиция правительства базируется на признании роли социалистического рынка и конкуренции в нашей экономике», добавив, что «курс на развитие конкуренции во всех отраслях чрезвычайно необходим».

А между тем еще совсем недавно даже сама постановка вопроса о конкуренции в социалистической экономике казалась невероятной, а порой и просто фантастической. Еще бы! Ведь все словари, справочники и учебные пособия по политической экономии регулярно оповещали нас о полном устранении конкуренции и замене ее товарищеским сотрудничеством и коллективизмом социалистических производителей при переходе от капитализма к социализму.

Какое там человеческое лицо! Конкурентные отношения неизменно определялись как «зверские», «свирепые», «жестокие», даже «человеконенавистнические». Средства массовой информации пугали население «ужасами конкуренции» — с ней в массовом сознании ассоциировались безработица, инфляция, кризисы, массовое банкротство честных тружеников, их разорение, гибель и иные язвы капитализма. И даже в 80-е годы, когда у нас уже вовсю разворачивались широкомасштабные эксперименты по расширению прав хозрасчетных предприятий, и позднее, уже на старте перестройки, газеты сообщали о том, что конкуренция является «войной всех против всех», что она способствует нравственному развращению людей, разжиганию социально-экономической и политической розни и ведет к нарастанию реакции по всем линиям. Существовало столь мощное теоретическое, правовое и психологическое неприятие конкуренции, что ее впору было музеефицировать как атрибут чуждой системы, по счастью, надежно отделенной от нас железным занавесом.

Подлинно научные оценки конкуренции и подлинно научное знание о ней стали возможны лишь благодаря перестройке. Сегодня лишь немногие идейные сторонники командно-административной системы отка-

зывают конкуренции в праве на существование. Опыт первых лет обновления экономики убедительно показал, что реформа может стать радикальной и обеспечить достижение реальных результатов только в том случае, если она повернется лицом к потребителю, оставив за товаропроизводителями естественное и издревле присущее им право — бороться за деньги потребителей, стремиться, ведя такую борьбу, к удовлетворению их потребностей. Право, заметим, так замечательно сочетающееся с обязанностью создавать полезные товары и оказывать услуги.

Может ли, однако, такое лицо, повернутое к потребителям благодаря конкуренции, оказаться «человеческим»? Ведь даже смысл самого термина «конкуренция» — соперничество, столкновение в результате каких-либо активных действий. Глубинные корни конкуренции в действиях людей состоят в необходимости постоянного ведения борьбы за существование — необходимости, увы, пока не преодоленной. Конечно, борьбу за существование не стоит путать с борьбой за выживание — люди борются друг с другом и с природой не только за жизнь, но и всего лишь за относительно лучшие условия жизни. Но ведь борются! Ведут экономические баталии, а не оказывают друг другу товарищескую помощь в форме дележа передовым опытом и не обмениваются благодеяниями; борются, не только считая, что «спасение утопающих — дело рук самих утопающих», но и пребывая в постоянной готовности, по образному выражению В. И. Ленина, к применению «динамита к конкуренту». Успехи в борьбе, сколь бы мизерны они ни были, всегда (подчеркнем — именно всегда) являются результатом ущемления интересов других конкурентов. Экономический шпионаж, борьба всевозможных мафий с последующим отмыванием грязных денег, наркобизнес, торговля оружием, рэкет — все это, как ни прискорбно, вполне естественные проявления отношений конкуренции в странах Запада, известных высоким уровнем цивилизованности. «Бог — доллар, доллар — отец, доллар — дух святой... Путь, каким вы добыли свои миллионы, безразличен в Америке. Все — «бизнес», дело,— все, что растит доллар. Получил проценты с разошедшейся поэмы — бизнес, обокрал, не поймали — тоже» — эти мудрые рассуждения Владимира Маяковского не утратили актуальности и сегодня.

Что же такое конкуренция при социализме — благо или блажь? Предпосылка становления эффективно работающего хозяйственного механизма, выстраданная обществом, или же пересаживание — под видом перестройки — в социалистическую экономику давно, казалось бы, канувших в Лету «пороков капитализма»? Ведь надо отдавать себе отчет в том, что конкуренции, стерилизованной на социалистический манер, т. е. конкуренции на базе коллективизма и планомерности, мы не получим никогда. Если признаем необходимость конкуренции, надо быть готовым к разнообразным методам рыночного соперничества, в том числе и неприглядным, достойным внимания персонажей знаменитого телесериала «Следствие ведут знатоки». Дело, конечно, не должно доходить до свиста пуль или «применения динамита к конкуренту», но ясно, что нынешних и будущих участников конкурентных схваток не стоит изображать типичными носителями здоровых социалистических инстинктов, рука об руку сражающихся ради общенародного блага по одну, так сказать, сторону экономических баррикад. Надо быть готовым к банкротству предприятий, которое неизбежно повлечет за собой и безработицу. Надо предусмотреть возможность социального расслоения общества, доходящего до его поляризации.

Мы привели весь этот потенциальный «негатив» вовсе не для того, чтобы еще раз обозначить «дно» конкуренции. В конечном счете наличие такого «дна» не может свидетельствовать о полном погружении на экономическое «дно» самой конкуренции. К тому же помимо дна, многократно описанного в литературе, у конкуренции все же имеются и положительные стороны, также немалочисленные и общеизвестные. Будем объективны: конкуренция не может быть «дурной» — капиталистической и «хорошей» — социалистической, как и всякое объективное экономическое явление, она имеет противоречивую природу. Не стоит тешить себя иллюзиями «здоровой конкуренции» (т. е. бесконфликтной), но не стоит впадать и в мазохизм в связи с ее легализацией при социализме. Реальность такова, что миновать рыночную конкуренцию, добиться экономических чудес на антитоварной основе мы не сумели и никак не сумеем в будущем. В этом убеждает наша собственная история, в которой беспрестанная борьба с генами конкуренции причудливо, но вполне закономерно сочеталась с отчаянной конкурентной борьбой, которую вели различные экономические звенья на «черном рынке», в границах «теневой экономики».

Как же «очеловечить» лицо конкуренции? Для этого, по нашему убеждению, необходимо соблюдение двух основных условий распространения конкурентных отношений в экономике. Первым является наличие не только различных форм собственности и форм хозяйствования, но и равноправие между ними. В этом случае вместо конкуренции между разнообразными потребителями за доступ к дефицитным средствам производства и предметам потребления мы получим конкуренцию между товаропроизводителями за удовлетворение потребностей этих потребителей. Вторым условием надо назвать соблюдение социалистическим обществом своих ключевых общенародных интересов посредством централизованного регулирования конкурентных отношений. Рассмотрим более подробно эти условия.

Бесспорно, лишь реальность и полноценность конкуренции — при всех ее «негативах», которые должны сделаться объектом общенародного регулирования,— способна обеспечить «человеческое измерение» экономики. Раз уж социализм не устраняет товарно-денежные отношения, рынок, конкуренцию, надо заставить их в полном объеме «поработать» на повышение эффективности производства, создать атмосферу, в которой, состязаясь друг с другом за право удовлетворять платежеспособный спрос населения, конкуренты стремились бы к снижению затрат, улучшению качества изделий, обновлению ассортимента. Принятый Верховным Советом СССР Закон о собственности в целом дает возможность развития конкурентных отношений. Однако эта возможность не будет реализована с пользой для общества без обеспечения равных стартовых условий включения в конкурентную борьбу различных товаропроизводителей, появление которых санкционируется данным законодательным актом.

В настоящее время на проработке в Верховном Совете страны находятся проектировки будущего антимонопольного законодательства, с которым связываются немалые надежды на оздоровление и очеловечивание экономики. Однако сама по себе антимонопольная направленность закона не может рассматриваться как самоцель. Антитрестовские и антимонопольные акты, принятые в послевоенные годы в странах развитого капитализма, не привели, как известно, к полному изживанию монополизма. У нас же сегодня существует реальная опасность фетишизации «борьбы с монополизмом» как таковым. Между тем монопо-

лизм и конкуренция находятся между собой в диалектическом единстве. В действиях каждого конкурента всегда проявляются монополистические устремления, а каждый монополист всегда ведет борьбу с потенциальными и реальными конкурентами за сохранение своего монопольного статуса. В конкретных обстоятельствах истории нашей страны сложился не монополизм как таковой, а государственный монополизм или, точнее, монополизм ведомств, действовавших от имени государства, соединенный с монополизмом производителей. Коллективы предприятий сами по себе не выступали монополистами — они были таковыми по отношению к потребителям, поскольку их деятельность защищалась государственными ведомствами. Им не было нужды применять «динамит к конкуренту» на свой страх и риск — они делали это с благословения «отраслевых штабов» и обслуживавшей их инфраструктуры, т. е. центральных экономических ведомств.

Необходимо поэтому иметь в виду, что антимонопольные указы, при всей важности их скорейшего появления, смогут сыграть лишь разрушительную роль по отношению к ведомственному монополизму, но они никак не смогут избавить страну от монополизма вообще, ибо последнее неразрывно связано с наличием конкурентных отношений. В этой связи представляется необходимым принятие в одном пакете с антимонопольными актами и специального Закона о конкуренции, в котором были бы четко определены права и меры ответственности различных товаропроизводителей, а также прерогативы органов государственного управления в области регулирования рыночных отношений.

Конечно, одно только принятие Закона о конкуренции само по себе проблемы не решит. Основания так считать дает практика применения других, ранее принятых законов. Значительные возможности развития конкуренции содержатся в Законе о госпредприятии, в Законе о кооперации в СССР. В Законе о госпредприятии имеется, к примеру, весьма привлекательное положение о конкурсном размещении государственных заказов. Конкуренция за получение заказов от государства давно существует в странах Запада и используется там не только для экономического стимулирования монополий, как иногда пишут некоторые экономисты, но и для наиболее выгодного для государства размещения заявок на производство продукции, общегосударственная потребность в которой может быть выявлена с достаточной полнотой. В западноевропейских странах при развитой конкуренции доля продукции, выпускаемой по госзаказам, составляет в тяжелой индустрии порядка 65—80% общего объема выпускаемой продукции. У нас же госзаказ до недавнего времени охватывал 95—100% продукции, включая изделия легкой промышленности при полном отсутствии альтернативности при их размещении.

Такое положение во многом было обусловлено двусмысленностью формулировки положения о госзаказах, зафиксированного в Законе о госпредприятии, при которой получалось, что наряду с конкурсными началами размещения госзаказов для госпредприятий действовал принцип обязательности их включения в производственную программу. Принятым на 1989—1990 годы положением о госзаказах предусмотрены различные формы их размещения при различных их объемах вплоть до полного отказа от планирования госзаказов. Для кардинального же решения вопроса необходимо четко отграничить госзаказ и госзадание. Бессмысленно любое директивное планирование заданий под видом заказов для предприятий, вышедших за пределы госсектора в форме акционерных обществ, хозяйственных ассоциаций, не говоря уже о кооперативах; но столь же бессмысленно и обязательное планирование

заказов для коллективов тех предприятий, которые остаются в рамках государственной собственности.

Идея «всеобщности» госзаказов в качестве альтернативы госзаданиям была весьма привлекательной в условиях, когда государственный сектор экономики рассматривался как наиболее развитый и совершенный по сравнению с другими, допускавшимися ранее секторами. Поэтому широкое распространение имели соображения относительно широкой экономической самостоятельности и обособленности госпредприятий (вплоть до их полной независимости) внутри самого госсектора. Однако обособление госпредприятий внутри госсектора — это экономический нонсенс. Такое обособление по характеру можно соотнести, скажем, с обособлением районных и городских отделов милиции по отношению к МВД. Представьте себе ситуацию, при которой в рамках широкой демократизации общественных отношений МВД и ГУВД начинают контактировать между собой при помощи государственных заказов на поимку правонарушителей.

Думается, соображения относительно возможности конкурентной борьбы между государственными предприятиями внутри госсектора лишены серьезных оснований. Тем более что демократизация экономики ведет к разгосударствлению ее, к возникновению новых форм собственности и форм хозяйствования за пределами данного сектора. Видимо, есть смысл вести речь о конкурентоспособности не государственных предприятий, а всего государственного сектора экономики как единого целого, который и управляется на основе единого плана и директивных заданий. Совершенно очевидно, что каким бы широким ни стал плюрализм в экономике, государственный сектор, несомненно, должен сохранить свое значение в некоторых базовых отраслях хозяйства. Следовательно, сохранят свое значение в этих пределах и методы директивного управления. И очевидно, что четкое отграничение госзаказа от обязательного госзадания, приемлемого в рамках госсектора, и использование госзаказов для регулирования деятельности различных негосударственных экономических формирований должно опираться на полноценную конкуренцию за их получение со стороны таких формирований.

Реальная действительность пока не дает оснований для особого оптимизма и в отношении перспектив включения в конкурентную борьбу различных субъектов хозяйствования. Так, в качестве конкурентов явно нельзя представить большинство создаваемых ныне концернов, консорциумов и хозяйственных ассоциаций. Большинство этих формирований по-прежнему продолжают развиваться в рамках государственного сектора. Более того, некоторые подобные образования изначально оказываются тотальными отраслевыми монополистами — по существу, на место монополиста-ведомства приходит такой же точно монополист-концерн. Такими видятся, к примеру, государственная ассоциация «Агрохим», созданная вместо Министерства по производству минеральных удобрений СССР (неудивительно, что во главе ассоциации поставлен бывший руководитель соответствующего министерства), государственные концерны по производству цемента (во главе с бывшим заместителем министра промышленности строительных материалов) или государственный концерн «Газпром», во главе которого сообразно той же логике перестройки без перемен оказался лично руководитель бывшего Министерства газовой промышленности СССР. Ясно, что смена вывесок, какими бы красочными сравнениями с западными концернами она ни сопровождалась, не в состоянии привести к подлинному оздоровлению

рынка — для сравнения отметим, что в американской экономике сегодня имеется семь газовых концернов, ведущих между собой и на внешнем рынке острую конкурентную борьбу.

Думается, требует серьезного изменения и действующее ныне законодательство, регулирующее развитие индивидуальной трудовой деятельности. Сегодня, согласно Закону об индивидуальной трудовой деятельности, принятому в 1986 году, такие виды трудовой активности населения отнесены в разряд неосновных — одним из ключевых принципов, закрепленных в данном законе, является допущение граждан к занятию ИТД лишь в свободное от основной работы время. Трудно понять, почему работа на госпредприятии, нередко неэффективная и бесполезная, нацеленная непосредственно не на создание общественно полезной продукции, а всего лишь на выполнение директивных планов любой ценой, трактуется как основной вид деятельности, а занятие ИТД, как правило, непосредственно нацеленное на создание нужных товаров и оказание услуг, позволяющее раскрыться личному творческому потенциалу людей,— как неосновной. Во всяком случае, существующее положение затрудняет развитие полноценных конкурентных отношений между индивидуальным и государственным секторами экономики, искусственно сдерживает процессы «очеловечивания» экономики, обращение ее лицом к потребителям.

Наиболее острые коллизии разворачиваются нынче в соревновании между государственным и кооперативным секторами экономики. Сегодня много пишут и говорят об извращениях в кооперативном движении, что имеет под собой реальную основу. Но есть смысл сказать и об извращениях в государственном секторе, который вместо состязания с кооперативами за деньги потребителей уходит либо в групповой эгоизм, либо, пытаясь подчинить кооперативы своему влиянию, ограничивает их деятельность, а то и добивается их закрытия. Часто обе эти линии поведения сосуществуют в трогательном единстве. Так, скажем, закрытие торгово-закупочных кооперативов во многих областях страны осенью минувшего года — притом, что в их деятельности действительно обнаруживались и спекулятивные тенденции, и обман потребителей, и сращивание с «теневой экономикой» — не привело, как это ни прискорбно, к бурной активности аналогичных государственных учреждений и предприятий Центросоюза. Но это и естественно — ведь при отсутствии конкуренции потребитель оказался лишенным права выбора, а госпредприятия продолжили работу не на рынок, а ради достижения запланированных стоимостных объемов производства.

Сегодня удельный вес кооператоров и индивидуалов составляет в общем объеме производства менее одного процента. Для развития полноценной конкуренции это ничтожно мало. Такое положение, а также отсутствие на деле новых негосударственных и некооперативных экономических формирований и способствует ныне распространению группового эгоизма, который охватил прежде всего именно государственный сектор экономики. Групповой эгоизм — это типичное, если не сказать классическое проявление нездоровой конкуренции. Ведь основной ареной борьбы являются отношения между производителями продукции и ее потребителями, отношения, складывающиеся явно не в пользу последних. Групповой эгоизм — это высшая форма монополизации экономики, когда единый монополист — «армия производителей продукции» — ведет яростную и беспощадную конкурентную войну за удержание своего положения, прибегая если и не к применению «динамита к конкуренту», то к не менее чувствительным способам воздействия — назовем здесь и

вымывание дешевого ассортимента, и завышение цен, и снижение качества товаров, и оказание липовых услуг. Мыльный, сахарный, тетрадочный дефицит нельзя рассматривать сегодня в отрыве от такой конкуренции; отсутствие мыла и зубной пасты или сигарет — это может сработать не хуже динамита!

Конечно, было бы наивным связывать исключительно острый нынешний дефицит (особенно на потребительском рынке) с «нажитками перестройки», в частности, с активизацией конкурентных отношений, хотя широкое обсуждение проблемы дефицита, включая регулярные выпуски на страницах «Недели» всевозможных рейтингов дефицитных товаров под душераздирающим заголовком «Исчезли с прилавка», действительно, началось именно в пору перестройки. Групповой эгоизм в масштабах отраслей, в форме «диктата производителей» пышным цветом расцвел в так называемый период застоя. Однако было бы также неверным игнорировать и некомплексность, неконкретность, порой алогизм и многих начинаний уже в годы перестройки. Действительно, групповой эгоизм как форма монополистических устремлений имеет место в экономике любой страны. Но важно, чтобы он уравновешивался за счет антиэгоистических мер. Административная борьба с таким эгоизмом может принести лишь локальный успех, ибо сами администраторы, будучи явными «руководящими монополистами», также обладают не меньшим групповым эгоизмом. Очевидно, на нынешнем уровне развития экономики лишь конкуренция между различного рода производителями способна уравновесить такие тенденции, потому столь остро и стоит задача развития предпринимательства и обеспечения конкурентоспособности всех секторов экономики за счет их полного раскрепощения. Как будет складываться экономическая ситуация при действительном освобождении рынка и развитии конкурентных отношений? Здесь, на наш взгляд, можно было бы выделить ряд этапов.

На первом этапе при предоставлении товаропроизводителям полной самостоятельности вероятнее всего следует ожидать дальнейшего сокращения производства и значительного повышения цен. Такая возможность определяется логикой поведения монополистов (а большинство предприятий находятся именно в этом положении) — им гораздо проще, создавая искусственный дефицит, завышать цены на свои изделия, нежели получать прибыль за счет дополнительного выпуска товаров. Для того чтобы противодействовать развитию событий в данном направлении, со стороны экономического центра необходим комплекс мер, направленных на сдерживание монопольных устремлений участников производства. К их числу могут относиться — в зависимости от степени концентрации производства и результативности хозяйствования — следующие: разгосударствление мелких и средних предприятий, особенно в сфере торговли, общественного питания, обслуживания населения, путем, скажем, выпуска акций и продажи их данному коллективу; образование на базе бывшего государственного нового, кооперативного производства (по примеру известного загорского кооператива «Березка»); в некоторых случаях — прямой выкуп отдельными гражданами на средства, полученные в банках в кредит (им в этом должно оказать помощь государство), небольших мастерских (например, по техобслуживанию легковых машин, ремонту радиотехники), парикмахерских, ресторанов, гостиниц и т. п.

Несколько иной подход может быть по отношению к крупным предприятиям, особенно в области машиностроения. Очевидно, что разукрупнение производства, раздробление его на ряд мелких во многих случаях просто невозможно из-за особенностей технологического процесса.

Поэтому здесь должны быть созданы условия для возникновения параллельных производственных структур. Они могут возникать по трем основным направлениям: в результате выпуска государством акций будущего машиностроительного предприятия, крупные пакеты которых могли бы приобретать банки, заинтересованные в будущей продукции данного акционерного общества; в процессе создания совместных предприятий, ориентированных на изготовление продукции такого рода; за счет аренды отдельных машиностроительных предприятий иностранными компаниями, например, в свободных экономических зонах, и создания филиалов фирм на основе лицензий за их пределами.

Особую важность для становления полноценной конкуренции имеет перестройка экономических отношений в аграрной сфере. Думается, было бы целесообразным для усиления конкурентной борьбы внутри аграрного сектора передать убыточные хозяйства, их земли в аренду, а в некоторых случаях, при соответствующем желании, и продать их фермерам, желающим работать на них коллективам, кооперативам. Причем делать это надо, может быть, даже административным путем, вопреки желанию руководителей этих хозяйств, которые во многом сдерживают «арендизацию» контролируемых ими земель.

Переход к рынку, особенно на первом этапе, наиболее ответствен и тяжел как для производителей, так и для потребителей. Первые попадают в жесткие условия рыночной конъюнктуры, требующей быстрой реакции и перестройки производства. Возможны и неизбежны банкротства, ликвидация не выдержавших соперничества предприятий. Напротив, потребителей начинает давить растущий вал цен. Выдвигая цель создать регулируемый и социально защищенный рынок, государство не может безучастно относиться к происходящему.

В случае затруднений, возникающих у производителей продукции, экономический центр может, к примеру, дифференцировать на период становления регулируемого рыночного хозяйства ставки налогов, понижая или вовсе отменяя последние для потенциальных зарождающихся конкурентов и увеличивая их при неоправданном завышении монополистами цен. Иногда, например, при реализации производителями некоторых социально значимых товаров (одежда, обувь для детей и пожилых людей, диетическое питание, лекарства) государство могло бы доплачивать разницу между рыночной ценой и пониженной ценой реализации данных товаров предприятиям-изготовителям.

Государство должно в полной мере реализовать и свои защитные функции. Сделать это оно может, применяя систему социальных амортизаторов. Сейчас уже предпринимаются конкретные шаги в данном направлении. В частности, по законопроекту, представленному Госкомтрудом СССР, предполагается выплачивать потерявшим по тем или иным причинам работу пособие размером не менее минимальной заработной платы и сроком на 6 месяцев. Затем будет предложена (если подходящее занятие не найдено) возможность принять участие в оплачиваемых общественных работах, таких, как благоустройство территории городов, поселков, работа санитаром в больнице и т. д. Если же человек поступит по истечении полугода на курсы переподготовки, ему будет выплачиваться стипендия в размере минимальной заработной платы. Однако одного регулируемого рынка рабочей силы недостаточно. Необходима еще серьезная защита потребителей, особенно лиц, не имеющих предпринимательских доходов, от растущих цен.

Для этого целесообразно использовать механизм индексации доходов. Надбавка к заработной плате (особенно в случае фиксированного

ее уровня), пенсиям, стипендиям, пособиям и т. п. в процентах, соответствующих темпам роста цен, позволит поддержать уровень доходов населения примерно на той же отметке. Его прирост для отдельного работника в то же время будет обеспечиваться более производительным трудом, что, естественно, предполагает отмену ограничений на рост фонда заработной платы. При всей сложности системы индексации необходим постоянный учет цен по широкому кругу потребительских товаров, большая счетная работа, регулирование дополнительных потоков денежных средств — выгода от ее внедрения несоизмерима. С одной стороны, предприниматели имеют возможность конкурировать друг с другом при различных уровнях рентабельности, получая среднюю прибыль за счет дифференциации цен, с другой — у населения появляется возможность в результате перекачки средств из доходов предприятий и фирм оставаться «на плаву», сохранять необходимый уровень потребления. Таким образом, создается механизм, при котором рост цен автоматически вызывает увеличение доходов. В итоге повышать цены становится возможным, но в конечном счете невыгодным, поскольку, во-первых, будет происходить всевозрастающий отток прибыли через механизм прогрессивных налогов из карманов собственников предприятий в бюджет государства; во-вторых, чем выше уровень цен, тем больше вероятность, что на рынок проникнут конкуренты, которым при низких ценах производство данного товара не казалось привлекательным, а при повышенных — вполне их устраивает. Вследствие этого всплеск цен, достигнув определенного предела, прекратится, и тогда, очевидно, можно говорить о переходе ко второму этапу формирования конкурентного рынка. Цены стабилизируются на достаточно высокой отметке, при которой и возникает рыночное равновесие, товары, ранее бывшие в разряде дефицитных, появляются на прилавках. Именно на данном этапе находится рыночная реформа в Польше, когда уже пройден период бурного роста цен и наступил момент их стабилизации. Конечно, метод «шоковой терапии», использованный в Польской Республике при переходе к рынку, не является образцом во всех случаях, однако к нему стоит приглядеться внимательней, поскольку в экономике наших стран немало общего, тем более что и результат налицо — исчезли очереди, в магазинах можно спокойно выбрать и купить нужный товар. Правда, и цены высокие — батон хлеба обходится покупателю около 1 рубля, килограмм высококачественной сырокопченой колбасы — 30 рублей. Одновременно на прилавках стали появляться и дешевые товары, никак, казалось бы, не вписывающиеся в установившийся «масштаб» цен, скажем, джемы, косметика. Однако секрет дешевизны данных товаров прост — усилившаяся конкуренция. В отраслях, производящих эти товары, сосуществуют и борются друг с другом несколько участников производства. Например, в области производства парфюмерии одновременно действуют и государственные предприятия известной фирмы «Поллена», и кооперативные производители косметики, и зарубежные «полонийные» фирмы. Все это и создает необходимый для развития рынка конкурентный фон.

Дальнейшее развитие конкуренции в условиях установившегося равновесия между спросом и предложением приводит в конечном счете к началу третьего этапа формирования полноценных рыночных отношений. Главным способом наращивания прибыли становится увеличение производства, обновление ассортимента, дифференциация качества. В США, к примеру, изготовляется и реализуется разными фирмами 10 тыс. сортов муки, более 4 тыс. видов консервированной кукурузы,

сотни наименований мясных, рыбных изделий. Для завоевания новых покупателей могут широко использоваться известные неценовые и ценовые методы конкуренции: продажа в кредит, оказание дополнительных услуг потребителю (фирменное обслуживание приобретенных товаров, бесплатные приложения к покупкам, «презенты», скидки с цен постоянным клиентам и т. п.). Естественно, что и на этом этапе конкуренцию не следует идеализировать. Те же неценовые и ценовые методы конкуренции могут включать в себя промышленный шпионаж, использование чужого товарного знака, недобросовестную рекламу, спекуляцию, взяточничество. Поэтому очень важно, чтобы конкуренция была регулируемая, действовала на основе хорошо продуманных, взвешенных законов. Только тогда цивилизованное общество, каковым мы хотим себя считать, получит адекватный экономический механизм, обеспечивающий сбалансированное производство и удовлетворение бурно растущих потребностей людей на базе многосекторного социального рыночного хозяйства.

ПОЧЕМУ «ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА» ПОКИДАЕТ КПСС?

Беседа с членом координационного совета «Демократической платформы» Вячеславом ШОСТАКОВСКИМ

Вячеслав Николаевич, выступления делегатов «ДП» на прошедшем съезде КПСС, предсъездовская дискуссия, идущее сейчас организационное оформление новой партии привлекали и привлекают внимание широкой общественности. Вы являетесь одним из руководителей этого движения. Что привело лично вас в его ряды?

Это довольно непростой вопрос. Лично для меня процесс переосмысления многих явлений нашей действительности и многих привычных теоретических постулатов начался, конечно, не вчера. Основной рубеж в этом процессе — Всесоюзная партийная конференция.

Так сложилось, что, работая и в Академии общественных наук, и в аппарате ЦК, я занимался в основном практическими, организационными вопросами партийной жизни. Но, когда я стал ректором Московской Высшей партийной школы, пришлось углубиться в проблемы истории партии, партийного строительства. Я попытался разобраться в причинах сложившегося в партии и обществе положения.

Решения Всесоюзной партийной конференции были по тем временам довольно радикальными, нацеливавшими на серьезнейшие преобразования всей нашей жизни,— достаточно вспомнить резолюцию «О гласности». Но очень быстро многие почувствовали, что в реальной жизни эти решения не получали адекватного отражения. Звучали яркие декларации, но все шло по-старому. Изучение материалов партийных съездов, других партийных документов, которые возможно было получить и проанализировать, привело меня к однозначному выводу: КПСС — это не политическая организация, в прямом понимании этого термина. Сегодня это уже может звучать как банальность, но еще недавно высказывание подобных суждений было довольно рискованным.

В сентябре прошлого года я выступил на первом заседании клуба «Политика» в МВПШ, работа которого фактически открыла профессиональную дискуссию политологов по партийным проблемам. Тогда я прямо сказал, что нами правят элитарные (в самом худшем смысле этого слова) структуры, причем не ограниченные только рамками партийно-государственного аппарата, составляющие становой хребет административно-командной системы. Налицо — власть меньшинства, «подавляющего меньшинства». Фракционность, само упоминание о которой считалось ересью, существовала де-факто.

Что такое Политбюро? Это фракция, жившая, да и сейчас живущая по своим неписаным законам, дисциплинарным нормам, не связанным с партийным Уставом. Утвердилась такая система еще в начале 20-х годов, да и последний партийный съезд не произвел в ней каких-либо существенных изменений. А ведь эта иерархическая структура спускается вниз, скажем, до каждого района, а что ниже, о том лишь Бог ведает. Бытует до сих пор сталинское понятие «рядовой коммунист», нелепое для любой политической партии, бытует десятки лет. Не развитие, а догматизация, выдумывание идеологем, идеосхем возводится на вершину общественно-научной мысли. Этот фундамент поддерживает «большую политику».

Все это стимулировало начало процесса осознания коммунистами несоответствия «высшей идеи» и реальной жизни. Стихийно начали создаваться партийные клубы, члены которых остро ощущали необходимость перемен в самой партии. Началось сближение клубов, а затем и оформление совершенно новой структуры в рамках КПСС.

Кроме того, активную работу вели историки, обществоведы, в частности Ю. Н. Афанасьев. Развитие движения позволило провести в январе этого года конференцию партийных клубов и организаций, на которой была образована «Демократическая платформа в КПСС».

Мне очень часто задают вопрос: зачем вам все это понадобилось, ведь окончилось это тем, что вас выгнали с работы и т. п.? Я считаю, что это было делом совести — совести гражданской и совести исследователя. Коль скоро я пришел к вполне определенным выводам, я не мог кривить душой, особенно в такое бурное время.

Сейчас дела партийные отодвигаются на второй, а то и на третий план в общей проблематике нашей жизни. Выйти из кризисной ситуации на основе так называемого марксизма-ленинизма невозможно. Свидетельство тому и работа съезда КПСС и особенно съезда компартии России. Забегая вперед, выскажу свое отношение к опубликованному в конце августа проекту «Программы действий КП РСФСР», предлагаемому для рассмотрения в ходе второго этапа Российского партсъезда. Хотя в этом документе и утверждается, что он явился результатом консенсуса, согласия различных течений в партии, он пропитан антиперестроечным духом, антирыночными настроениями, все теми же идеями классовой борьбы. Нас призывают защищать людей труда. От кого? От государства, которое сейчас является главным эксплуататором? Но ведь архитектором этого государства явилась партия коммунистов и остается его сердцем и мозгом. Впечатление такое, что нас призывают защищать людей от перестройки; вернуться вновь в безгласное состояние, сохранить партию в качестве поводыря, навязывающего нам свою единственно истинную точку зрения.

Мы должны решительно отказаться от всех этих доктринальных шор, но аппаратная часть партии на такое не способна. А может быть, и

сознательно не идет на это. Ведь встает вопрос о легитимности, законности существования самих аппаратных структур. Что делать с колоссальным идеологическим аппаратом? Что делать с всевластью партии в средствах массовой информации? Представители любой партии, кроме КПСС, лишены практически возможности выступать на телевидении. Вспомним, что ежедневно утро на Всесоюзном радио начинается с обзора газеты «Правда». Обзоры каких газет (других партий) мы можем услышать?

Я являюсь яростным сторонником покаяния партии. Дело не в том, чтобы клеймить нашу историю,— что было, то было. Нужно извлечь из нее уроки. Покаяние, как я его понимаю, это необходимость признания того, что методы, которые использовала партия, были порочны, и от них партия отказывается раз и навсегда. Если бы это свершилось, партия могла бы в короткое время качественно измениться.

Давайте вернемся к разговору о январской конференции партклубов, выработавшей документ, который сыграл заметную роль в определении позиции практически каждого коммуниста — «Демократическую платформу». Как вы к нему сейчас относитесь? Остается ли он сегодня теоретической базой одноименного движения?

Участники январской конференции в развитии своего политического мировоззрения, безусловно, продвинулись далеко вперед, на многие проблемы смотрят уже иначе. Но для своего времени этот документ явился серьезным политологическим прорывом, реальной основой для преобразования партии, особенно системы внутрипартийных отношений. Если бы февральский Пленум ЦК проявил бы, скажем так, больше внимания к нашей платформе, пошел бы по пути открытого и честного обсуждения этих идей, ситуация могла бы сложиться по-иному. Иначе могли пройти и выборы делегатов на съезд, и работа съезда. Я приведу один пример. Мы уже тогда занимали четкую позицию в отношении создания Российской компартии, выступая за федеративный принцип формирования КПСС. Но этот принцип отвергался с завидной настойчивостью руководством партии, включая и Генерального секретаря. В качестве аргумента выдвигалась недопустимость разъезда «по национальным квартирам». Как будто мы в этих национальных квартирах не живем.

Конечно, «Демократическая платформа» несла в себе и определенную ограниченность. Поэтому сегодня, при создании новой партии, этот документ может быть использован лишь в незначительной степени. Ведь то, что он создавался в период подготовки к съезду КПСС, наложило отпечаток на его основную концепцию и даже во многом определило его политическую лексику.

Подготовка программных документов новой партии, очевидно, пойдет «с чистого листа» — ориентация на открытую парламентскую партию, которая будет стремиться к политическому обслуживанию сил прогресса, предоставлению членам партии максимальных возможностей раскрыть свои политические способности.

Как вы оцениваете работу представителей «ДП» на XXVIII съезде КПСС? Что все-таки помешало вам завоевать более прочные позиции?

Помешала нам прежде всего неопытность. Кроме того, малочисленность — сто четыре делегата. Нельзя сбрасывать со счетов и опыт, профессионализм аппарата, прекрасно проявившийся уже в ходе выборов делегатов. Здесь и манипуляции со сроками проведения выборов, подбором кандидатов, другие уловки. Мы насчитали несколько десятков случаев прямых подлогов, которые, к сожалению, трудно доказуемы документально, но вполне осознавались коммунистами. Пример тому и мое несостоявшееся избрание делегатом съезда.

Наши товарищи сделали на съезде все что могли. Хотя голос демократов был чрезвычайно слаб, но он все-таки звучал.

Суть в другом. Даже реформаторские силы партии сейчас находятся в арьергарде перестройки. В авангард вышли демократические силы в Советах народных депутатов. Им сейчас нужна политическая поддержка, в том числе и со стороны нарождающихся демократических структур.

После закрытия съезда КПСС мы получаем мало информации о дальнейшей работе «Демократической платформы», хотя некоторые моменты, касающиеся лично вас, промелькнули в печати: Шостаковский вышел из партии, Шостаковского освободили от должности, Шостаковский обратился в суд, но в рассмотрении иска ему отказано. На каком фоне развивались эти события?

Я не хотел бы особенно распространяться о личных делах — не в этом суть. Действительно, информации о нашей работе мало. Ведь не было даже полностью опубликовано наше заявление, с которым я выступил на съезде партии. Не удивлюсь, если полного текста не окажется и в стенографическом отчете. Поэтому сейчас не все четко понимают суть процесса, который мы стараемся развивать,— разделения КПСС. Мы призывали сторонников «ДП» не к демонстративному выходу из партии, не к тому, чтобы хлопать дверью, а осуществить «цивилизованный развод». В этом случае мы разделяемся по тем признакам, что не признаем решений съезда, новый Устав. Та часть коммунистов, которая поддерживает идеи «Демократической платформы», формирует свою политическую партию парламентского типа, формирует ее «снизу».

Но на практике последовали прежде всего действия, связанные с выходом из партии, причем часто без регистрации в качестве членов «ДП». Это, пожалуй, самое печальное в указанном процессе. Люди уходят в политическое небытие. А ведь среди них немало очень активных людей с большим интеллектуальным, организаторским потенциалом. Может быть, это временная реакция, связанная с существующим в обществе антипартизмом — неприятием любой партии. Люди устали от дискуссий на фоне пустых магазинных полок.

Но кое-что мы сумели сделать и в режиме разделения. Сейчас мы рассматриваем возможность, учитывая число коммунистов, зарегистрировавшихся на «Демократической платформе», предъявить имущественные иски КПСС, с тем чтобы передать нашу долю Советам народных депутатов. Я, правда, не очень верю, что практически это осуществимо, но в политическом плане это необходимо сделать как часть обсуждения вопроса о собственности партии вообще.

В ближайшее время мы соберем Российский Координационный совет, на котором обсудим ряд важных документов. Прежде всего, проект Организационных основ партии (мы не хотим использовать понятие «устав») и Программное заявление. Предполагаем, что в сентябре — октябре пройдут региональные конференции сторонников «Демократической платформы», которые обсудят эти документы и будут означать структурирование ячеек новой партии.

Вячеслав Николаевич, извините, я вынужден вас прервать в связи вот с каким вопросом. Сейчас наблюдается некоторая путаница. Под понятие «Демплатформа» попадают и те, кто вышел из партии, и те, кто намерен в ближайшее время выйти, и те, кто считает себя сторонниками «Демократической платформы», но остаются в рядах старой партии. Не смогли бы вы разъяснить эту ситуацию?

То, о чем мы с вами говорим,— ткань жизненная, сложная. Скажу лишь, что мы просили товарищей, которые намерены оставаться в КПСС,

не называться «Демократической платформой» и даже Секцией коммунистов-реформаторов «Демократической платформы». К сожалению, последние эту, вроде бы состоявшуюся, договоренность не выполнили и действительно создали путаницу в названиях.

Сейчас, когда мы говорим о региональных конференциях, мы имеем в виду, что в них примут участие те, кто заявил о том, что покидает ряды КПСС в смысле разделения, регистрируется как сторонники «Демократической платформы» (уже без упоминания КПСС). Это вовсе не означает, что структуры, которые возникнут, не могут впитывать в себя и беспартийных, и ранее вышедших из КПСС, и тех, кто выйдет через несколько месяцев, но этот процесс пойдет уже на основе документов, которые примет Российский учредительный съезд. Мы собираемся провести его в ноябре. Появится в ближайшее время и какое-то рабочее название партии. Я бы назвал ее «Российская партия прогресса и демократии». Но пока весь организационный период будет идти под флагом «Демократической платформы».

Как бы вы определили создающуюся партию по ее политической направленности, что это — социал-демократическая, социалистическая или какая-то иная партия?

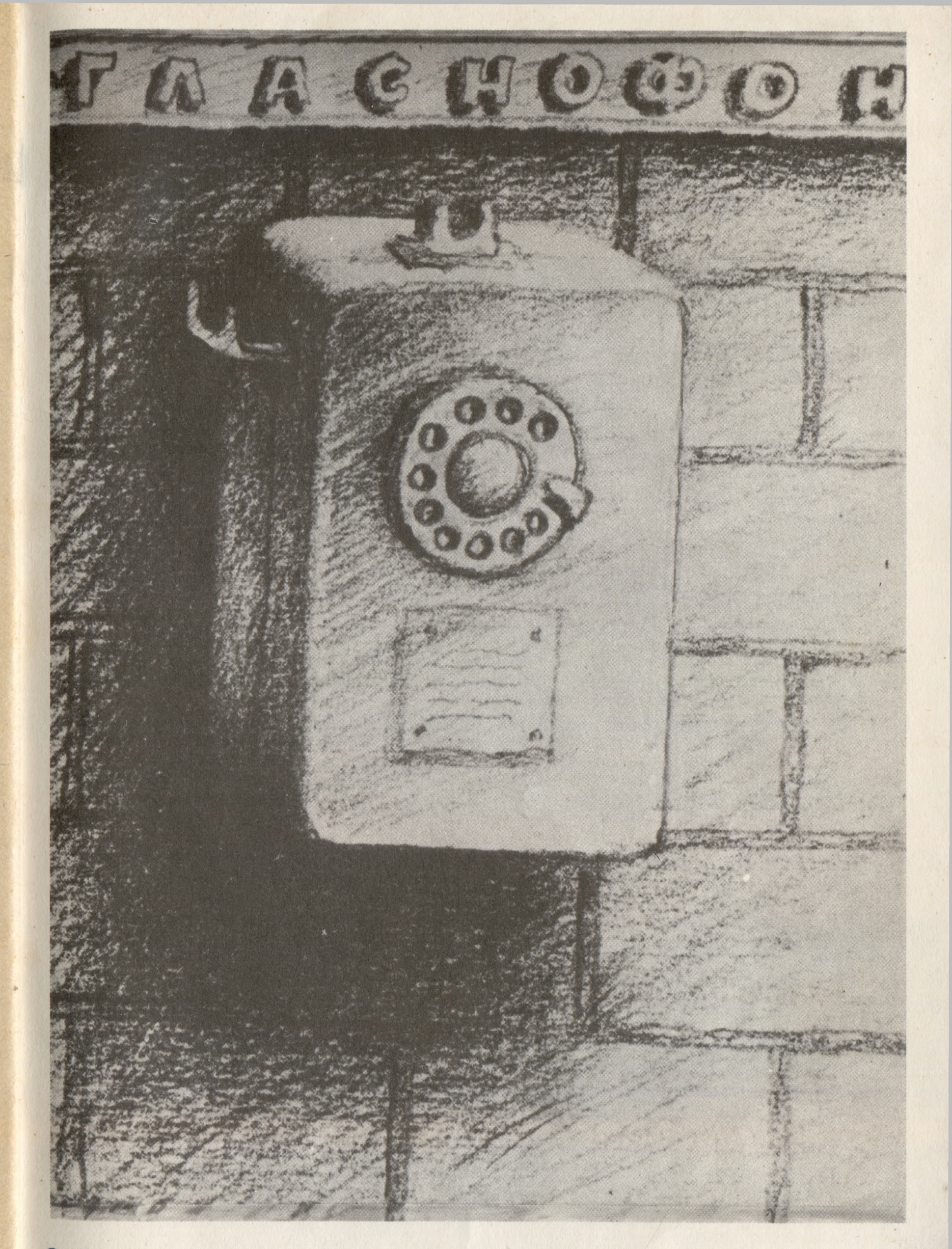
Нам предстоит вернуть в обиход нормальный политический спектр, преодолеть монополизм КПСС. Мы ведь сейчас называем «левых» «правыми», консерваторами людей, находящихся, по сути, на левом фланге, а тех, кто выступает за рынок, демократическое, парламентское государство, называем «левыми радикалами».

Если же мы попробуем определить складывающийся сейчас политический спектр, то мы увидим наличие вполне определенной «ниши», отсутствие политической структуры, которая обязательно должна существовать, в которой есть колоссальная общественная потребность — это левоцентристская структура. Мы столкнулись с нелепицей, когда коммунистическое правительство берется за проведение реформ, которые сподручнее осуществлять, скажем, английским консерваторам. Разгосударствление, приватизация собственности и прочее противоречат доктрине и идеологии коммунистов. Сейчас появляются новые структуры — социал-демократы, социалисты, демократы и ряд других. Пока они не пользуются большим влиянием. Формируемая нами партия может стать субъектом того коалиционного правительства, призывы к созданию которого сейчас часто можно слышать. Еще раз повторю — это левоцентристская структура, парламентская партия, демократическая, можно сказать, до мозга костей, допускающая мировоззренческий плюрализм, отстаивающая прежде всего идеи прогресса.

А как будут складываться отношения новой партии с КПСС? Возможен ли блок этих партий?

Это вопрос сложный. Смотря с кем блокироваться. Если говорить о полозковском ЦК, то блок просто невозможен. Но мы сознаем, что КПСС — политическая сила, сохраняющая мощное влияние, во всяком случае, сохраняющая мощные возможности влияния на развитие общественных процессов. Здесь и собственность, и разветвленный аппарат, да и большой политический опыт. Мы будем следовать нашему заявлению о том, что мы не создаем антикоммунистической структуры, что являемся противниками пресловутой «борьбы», формирования образа врага, будем проводить политику «за», а не «против». За прогресс прежде всего. Хотя такие, я бы сказал, «необольшевистские» настроения проявляются не только среди коммунистов, но и вновь формирующихся партий.

Вячеслав Николаевич, мои вопросы исчерпаны, я очень благодарен

С. Сухарев
ГЛАСНОФОН

Ю. Боксер
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ В. И. ЛЕНИНА
ЭКСПОНАТ № ...

В. Уткин
ПРОДОВОЛЬСТВЕННУЮ ПРОГРАММУ — В ЖИЗНЬ!

вам за эту интересную беседу. Может быть, вы в заключение хотели еще что-то сказать нашим читателям?

Очень тревожная сейчас ситуация. Мы, в сущности, скатываемся к авторитарному режиму. Во всяком случае, реально существуют силы, которые к этому подталкивают. Все эти сахарно-табачные бунты — не случайность. Здесь четко просматриваются элементы саботажа. Идет консолидация право-консервативного блока. В этих условиях исключительное значение для страховки демократических преобразований, для продолжения перестроечной работы необходим блок демократических сил. Августовский «мертвый сезон» в политической жизни завершился. Предстоят большие события, и каждый из нас должен осознать их значение и найти свое место в борьбе за демократию.

Беседу вел Л. КУЗНЕЦОВ

Владимир Блок

ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ?..

Если взглянуть на карты нашей страны, выясняется, что бездумной раздаче наименований и переименований были подвергнуты не однодва, а несколько имен великих творцов литературы. Раздавались имена не только улицам и площадям, но и городам, городкам, поселкам. Раздавались по месту рождения, месту жительства, месту пребывания в ссылке и просто так. В результате у нас есть город Пушкин и 26-кратное (!) Пушкино — в Алтайском крае, Мордовии (два), нескольких областях РСФСР, на Украине, в Азербайджане, Армении, Казахстане (два), Киргизии, Молдавии, Узбекистане. Есть даже Пушкино-Новое (что выгодно отличает его от 25 старых Пушкино). Есть Лермонтов, три Лермонтовки (!), трехкратный Лермонтовский, пятикратное Лермонтово, Лермонтов-Юрт (в Чечено-Ингушетии). Помимо города Горького есть двукратный Горьковский, пятикратное Горьковское и семикратный населенный пункт имени Горького. И каким же литературно неграмотным выглядит часто встречающееся сочетание А. М. Горький, в котором произвольно смешиваются реальное имя великого писателя и его псевдоним (А. М. Пешков — Максим Горький). Столь же неправомерно и инициальное сокращение псевдонима — «М. Горький». Не пишем же мы Л. Украинка, К. Прутков, Ш. Алейхем! В сравнении с Пушкиным и Горьким более взыскательно обошлись с Чеховым — городов, носящих это имя, всего два (в Подмосковье и на Сахалине). А ведь не мешало бы помнить, что в литературе Чехов — о д и н... Во Франции нет городов Вольтер, Дюма, Гюго, Золя. И в Англии нет городов, носящих имена Шекспир и Байрон, Шелли и Мильтон... Как хорошо, что Бах родился не в Бахе, Моцарт — не в Моцарте, Бетховен — не в Бетховене! Несмотря на многочисленные юбилейные даты, они родились (по-прежнему!) в Эйзенахе, Зальцбурге, Бонне. И наш Римский-Корсаков, к счастью, родился в Тихвине. И хорошо, что в честь Чайковского не переименовали его родной Воткинск, а назвали новый город на другом берегу Камы. Нельзя не видеть существенную разницу между скоропалительными п е р е и м е н о в а н и я м и старых городов и продуманными н а и м е н о в а н и я м и новых проспектов и площадей. Мне очень не хотелось бы ехать, к примеру, из Шуберта в Брамс, из Глазунова в Лядов! И очень хотелось бы пройти по улицам, носящим эти имена.

Говоря о назревшей необходимости возвращения исторических названий старым русским городам, академик Д. С. Лихачев замечает, что «возвращение старых наименований в известных случаях должно произойти, ибо люди должны представлять себе историю на современной карте». Как это верно! Но разве не та же духовная необходимость взывает к возвращению топонимических названий многим поспешно переименованным улицам наших городов?

В самом деле, разве нормально, что жители города узнают из радио- или телевыпуска новостей, что они живут теперь на совсем другой улице, никуда при этом не переехавши? Жаль, что у тех, кто в былые времена давал названия столичным улицам, была безнадежно бедная фантазия. Иначе откуда бы и взяться в Москве 16 Парковым улицам (не считая Парковой в Зеленограде)! Конечно, нумерация улиц есть во многих городах мира. Она, к примеру, доминирует в Нью-Йорке, где, говоря словами Маяковского, «на север с юга идут авеню, на запад с востока — стриты». Но там эта удобная система охватывает большинство улиц. В Москве же 1-я, 2-я и 3-я Фрунзенские улицы, кроме них — улица Фрунзе, Фрунзенская набережная, а до недавнего времени и Фрунзенский вал... Вероятно, тот, кто придумал этот «вал» Фрунзенских улиц, был озабочен выполнением плана «по валу»! Возможно, кто-то решил, что, чем больше будет количества, тем больше проявится уважения к имени. Надо ли доказывать, что тиражирование любых имен и интендантская их нумерация говорят как раз о неуважении, о недомыслии! Есть три Балтийских переулка, несколько улиц Соколиной горы и ни одной, названной в честь Анны Ахматовой, Бориса Пастернака, Марины Цветаевой. Разве не было бы справедливым, к примеру, вернуть исторически сложившейся площади в самом центре Москвы с находящимися на ней зданиями Большого и Малого театров ее первородное название — Театральная? Не разумнее ли было бы при этом дать имя Я. М. Свердлова одной из новых московских улиц (кстати, и памятник Свердлову как-то стыдливо ютится «на задворках» монумента Карлу Марксу)? Нужны ли Москве наряду с проспектом Маркса еще и улица Маркса и Энгельса или улица Фридриха Энгельса? Осмысленны ли названия улиц Марксистская, Коммунистическая, Большевистский переулок? Неужто эти названия способствовали нашему неуклонному движению к новым горизонтам? Удивительно, что в Париже до сих пор нет рю де Капитализм. И ничего, живут...

Что же касается «музыкальной карты» города, то она удручающе бедна. И на этом фоне обескураживающе непонятно выглядит название Композиторская улица (по ехидной иронии судьбы это часть бывшей Собачьей площадки). Одна из улиц Ленинграда названа еще более категорично — улица Композиторов! Конечно, в каждом старом городе есть улицы и переулки, сохранившие свои «цеховые» названия. Есть Хлебные и Житные, есть Прядильные, Гончарные, Столярные, Кузнецкие... Но ленинградская улица Композиторов находится в новом микрорайоне! Неужели все ее жители сочиняют музыку? Или это подарок нам, композиторам? Так сказать, для почета. Но мы чохом этого почета не заслужили и никогда не заслужим! Приглядно ли, однако, что при наличии никому не нужной Композиторской улицы в столице нет улиц Глинки, Бородина, Рахманинова, Прокофьева, Шостаковича, Скрябина?!

Кстати, улица Скрябина была похищена у Москвы, еще не появившись. Дело в том, что примыкающий к Арбату Большой Николопесковский переулок был переименован в улицу Вахтангова. А ведь Александр Николаевич Скрябин жил здесь в доме № 11, здесь перестало биться его сердце, здесь его музей-квартира (неловко говорить, но и мемориальной доски на доме этом нет). Поэтому повторное переименование (а не возвращение к изначальному названию) в данном случае явилось бы вполне правомерным — оно не против совести и здравого смысла.

Но, дав улице имя Скрябина, совсем необязательно называть другую улицу именем Евгения Вахтангова. Ведь лучшей памятью выдающемуся советскому режиссеру был и остается основанный им театр, с честью носящий это имя. Можно, однако, назвать именем Вахтангова улицу в одном из новых районов-новостроек Москвы. Улица Щепкина, к примеру, даже по московским понятиям находится довольно далеко от театрального училища, носящего его имя. Можно бы переименовать другую улицу или переулок, прилегающий к Арбату. Это мог быть, к примеру, Калошин переулок, выходящий на Арбат как раз напротив Театра имени Вахтангова. Здесь, кстати, главный вход в Министерство культуры СССР. Думаю, что приятнее было бы входить в учреждение столь высокого назначения не с Калошина переулка (название не самое древнее и возвышенное), а с улицы Вахтангова. Жилых домов здесь очень мало, что сделает нетрудным и установление уличных табличек, и переадресовку почтовой корреспонденции.

Особо хочу сказать о культуре названий. В Москве есть улица Академика Скрябина. Она названа в честь советского ученого-гельминтолога. В Ленинграде есть улица Прокофьева. Она названа в честь советского поэта Александра Прокофьева. Однако его имени в названии улицы нет. И оно ассоциируется с именем гениального композитора, являющегося и по сей день, согласно официальной статистике ЮНЕСКО, наиболее часто звучащим из всех великих творцов музыки XX века. Так почему же не быть двум улицам — Александра Прокофьева и Сергея Прокофьева (кстати говоря, питомца Петроградской консерватории)? Но при любых решениях должно быть ясно не только из памятного знака, но и из самого названия улицы, в честь кого она названа (в Москве на одном из путевых указателей вместо «Улица Летчика Бабушкина» я увидел трагикомическое «Улица л. Бабушкина»).

Особый вопрос — об улице Вавилова. Так в 1963 году был назван 1-й Академический проезд в честь выдающегося ученого-физика, президента Академии наук СССР Сергея Ивановича Вавилова. Название улицы не включает имени ученого — как будто другого Вавилова нет и не было! Но еще до переименования улицы в 1955 году был посмертно реабилитирован брат С. И. Вавилова, ученый-генетик Николай Иванович Вавилов, ставший жертвой сталинского произвола и лысенковщины. И за минувшие 30 лет никому из дающих улицам имена, как видно, в голову не пришло внести напрашивающуюся коррективу. Наверное, единственной возможностью искупить неуважение к памяти великого ученого и гражданина может стать новое наименование — улица Вавиловых, подобно уже существующим улице Танеевых и улице Александра и Зои Космодемьянских.

Неоднократно бывая во многих городах нашей страны, я почти нигде не видел улиц, площадей, проспектов Блюхера, Уборевича, Якира. Поистине позорное изъятие имен, декретированное сталинщиной, сменилось охранительным застоем, узким цензурованным кругом привычных наименований. Я верю, что светлые имена эти украсят новые улицы наших городов. Так же, как украсят их имена Бухарина, Рыкова, Раскольникова, Серебрякова, других большевиков ленинской когорты.

Еще одна особенность обращает внимание в названиях именно московских улиц. Круг запечатленных в них имен борцов Октября, героев

Великой Отечественной в основном определяется нашими земляками, москвичами. И это вполне закономерно. Но правомерно ли при этом забывать другие, столь же славные имена? Очень справедливо, что есть на карте Москвы имена борцов за свободу и социализм — имена Сальвадора Альенде, Саляма Адиля, Хулиана Гримау. Но, коль скоро речь идет о наших согражданах, например, о героических руководителях партизан Великой Отечественной,— разве имена Сидора Ковпака и Петра Вершигоры, Константина Заслонова и Петра Машерова не должны получить столь же конкретного отображения нашей благодарной памяти?

Московский метрополитен. Удивительно, что в названиях его станций до сих пор нет имен Циолковского, Королева, Гагарина, Курчатова, Келдыша, Туполева... Порой приходится слышать, что любое переименование станции метро осуществить нелегко, поскольку это сопряжено с тиражированием многочисленных схем, с коррективами в системе поездного радиооповещения. Тем не менее было осуществлено переименование станции «Лермонтовская» в «Красные ворота» — в созвучии с историческим названием этой площади Москвы. Хотя, на мой взгляд, вполне могли бы сосуществовать площадь Красные ворота и станция метро «Лермонтовская». Но речь идет не о переименованиях, а о наименованиях новых станций. Правда, судя по опубликованной информации, проектируется станция метро «Гагаринская».

Несколько лет назад я написал письмо в газету «Советский спорт» с предложением о переименовании станции «Проспект Мира» Калужско-Рижской линии в «Олимпийскую» при сохранении названия станции «Проспект Мира» Кольцевой линии. Редакция переслала письмо в Моссовет. Из Главного архитектурно-планировочного управления (ГлавАПУ) ответили, что станцию переименовывать нецелесообразно, поскольку ее наземный вестибюль выходит... не на Олимпийский проспект, а на проспект Мира. Принципиальна ли, однако, эта топографическая обусловленность названия станции? Вспомним: выход из наземного вестибюля станции «Кузнецкий мост» ведет не на одноименную улицу, а на Рождественку (в 1948 году название улицы было зачеркнуто, и более 40 лет она именовалась улицей Жданова). Станция же метро «Ждановская» была открыта вообще в Выхине. При этом название «Выхино», под которым эта станция строилась и проектировалась, было у нее отнято в 1966 году, при открытии линии.

Когда в 1988 году встал вопрос о переименовании «Ждановской», автор этих строк предложил назвать станцию «Бухаринской» (Советская культура. 1988. 24 декабря). Большинство же читателей в своих откликах предлагали варианты переименования — «Вешняки» и «Выхино». Второе из этих названий и было возвращено станции. Именно в о з в р а щ е н и е названия и делает, на мой взгляд, принятое решение самым верным. Но в это время пришел ответ из ГлавАПУ, где этот же вопрос рассматривался с совершенно иной точки зрения. Оказывается, «Бухаринская» сегодня невозможна в о о б щ е — безотносительно к переименованию «Ждановской». И пишет об этом заместитель начальника Управления внешнего благоустройства ГлавАПУ И. Круглов:

«Сообщаем, что наименования станциям Московского метрополитена присваиваются исполкомом Моссовета в соответствии с территориальным принципом, т. е. станции метро называются в соответствии с наименованиями улиц, площадей или микрорайонов. Это облегчает ориентацию пассажиров, так как метро — прежде всего средство транспорта, в его задачу не входит увековечение тех или иных событий, великих людей и проч.

Учитывая, что в Москве нет улицы, носящей имя Бухарина, говорить о присвоении его имени какой-либо станции метро преждевременно».

Совершенно непонятно — почему компетентный вроде бы руководитель умалчивает о благополучном наименовании бывшей «Ждановской», находящейся в многокилометровом удалении от бывшей улицы Жданова?

Нередко слышны предложения «одним махом» вернуть всем городам и поселкам, улицам и площадям их исторические названия. На мой взгляд, такой подход не всегда целесообразен. Ведь в любом старом русском городе есть переименования, утвердившиеся в жизни нескольких поколений, корнями уходящие в глубь истории дореволюционной России. Но вот неподалеку от исторического центра Москвы находится Безбожный переулок. Это название (вероятно, единственное в своем роде у нас в стране и за ее пределами), появившееся в 1924 году, звучит циничным надругательством над верой и духовностью. Однако обязательно ли, стерев непристойность с городской карты, возвращать прежнее название — Протопоповский переулок? Ведь, в отличие от исчезнувших Богородской улицы, Борисоглебского, Вселенского, Богословского переулков, название это не рождено христианской религией — оно было дано по имени одного из домовладельцев. Так не лучше ли, к примеру, дать улице имя Василия Шукшина, жившего в этом районе Москвы?

Вопрос, от которого не уйти: любое переименование требует вложения тех или иных средств. К слову сказать, этот аспект проблемы как-то не брали в расчет те, кто в оные времена, холуйствуя и выслуживаясь, приклеивал «сталинские», «ждановские», «ворошиловские» названия нашим городам, улицам, станциям метро. Вопрос этот начал вставать именно теперь, когда речь идет прежде всего не о переименованиях, а о восстановлении названий. Так сторонников возвращения Нижнему Новгороду его исконного названия пугали затратами в несколько миллионов рублей. Но вот председатель Совета по топонимии* Советского фонда культуры В. П. Нерозняк (Комсомольская правда. 1990. 3 июня) уточнил ситуацию: «Комиссия Горьковского отделения Советского фонда культуры определила затраты по переименованию г. Горький в Нижний Новгород: 509 тысяч рублей. Это — один субботник горожан. Тем более что 1990 год — год перепечатки всех географических карт».

Разумеется, сама постановка вопроса о необходимых затратах вполне закономерна. И здесь мне хочется привести мудрые слова Д. С. Лихачева, выступившего в уже упомянутой статье с конкретным предложением: «Если уж возвращать название одному городу (Нижнему Новгороду.— *В. Б.*), то надо это сделать одновременно с возвращением их и некоторым другим городам, например, Рыбинску, Петергофу... Тогда расходы по созданию (вернее, по печатанию) новых расписаний поездов, пароходов, самолетов сократятся вдвое, втрое, вчетверо — по числу переименовываемых пунктов».

На улицах Москвы не только жилые дома и станции метро. На них — школы и библиотеки, театры и концертные залы, техникумы и институты. И разумно ли, к примеру, что в Москве шесть библиотек носят имя Горького? И ни одной имени Е. Баратынского и Ф. Тютчева.

---

* Малозначительное, казалось бы, различие в понятиях «топонимия» и «топонимика» несет в себе, на мой взгляд, вполне определенный смысл. Если топонимия — область исторической науки, то топонимика — общественная практика наименований и переименований.

Есть три библиотеки имени Н. А. Островского и ни одной имени А. Н. Островского. И почему одной из детских библиотек не присвоить имя Корнея Чуковского?!

Все настойчивей звучат голоса, призывающие к тому, чтобы Музею изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (в прошлом Музей изящных искусств) было дано имя филолога, искусствоведа И. В. Цветаева, его основателя и первого директора. Другой пример — Концертный зал имени П. И. Чайковского, который строился как Театр В. Э. Мейерхольда. Однако после гибели Мейерхольда театру суждено было стать концертным залом. В 1940 году, когда отмечался 100-летний юбилей композитора, его имя было присвоено одновременно Московской консерватории и Концертному залу на площади Маяковского. И до сих пор гости столицы порой путают Большой зал консерватории имени Чайковского с Концертным залом имени Чайковского! А ведь сейчас есть прекрасная возможность исправить эту оплошность. В апреле 1991 года музыкальный мир отметит 100-летие со дня рождения Сергея Прокофьева. Так почему бы не дать Концертному залу на площади Маяковского имя С. С. Прокофьева? Залу, не раз восторженно внимавшему его шедеврам, многие из которых обрели здесь свое первое звучание!

Радостно сознавать, что имя А. П. Чехова вернулось наконец-то в проезд Художественного театра, к прославленной русской сцене, где на театральном занавесе навсегда запечатлен полет его «Чайки»...

Надо сказать, что, в отличие от наименований улиц, в наименованиях школ, библиотек, домов культуры чиновное своеволие умножается бюрократической многоступенностью. Дело в том, что для наименования улицы или даже станции метро достаточно, как правило, решения исполкома Моссовета (исключение составляют правительственные постановления об увековечении памяти выдающихся партийных и государственных деятелей, ученых, творцов литературы и искусства). А для наименования школы или библиотеки, оказывается, нужно решение... Совета Министров республики с несколькими промежуточными инстанциями от местного Совета до Совмина! Где же элементарная логика? Слов нет, общеобразовательная школа и библиотека — одни из самых Главных Учреждений, вернее, они должны быть такими. Но спросите любого москвича, где находится улица Горького,— и вы незамедлительно получите точный ответ. Что касается адреса одной из шести районных библиотек имени Горького, то без справочного бюро вам не обойтись...

Путь к увековечиванию того или иного имени должен начинаться с нас самих, с вдумчивого сопоставления подчас полярных мнений и суждений. Конечно, любое выявление общественного мнения в вопросах топонимики не должно быть громоздким, отвлекающим много средств, организационных усилий и времени. Хороший пример — своеобразное голосование жителей бывшего Ворошиловского района Москвы за его переименование, сопутствовавшее Всесоюзной переписи населения. Опрос может быть реализован и при выборах в местные Советы, если с согласия городских (областных, районных) органов власти на оборотной стороне избирательных бюллетеней будут напечатаны соответствующие вопросы (это, кстати говоря, может касаться не только топонимии, но и решения самых различных вопросов жизни малого или большого региона). Однако выборы местных органов власти проводятся не каждый год, поэтому наиболее доступной формой выявления общественного мнения может стать газетное анкетирование: два-три вопроса, касающиеся целесообразности переименования, выбора предлагаемых названий, возможности альтернативного варианта.

Результаты многолетних нарушений естественной топонимики в разных регионах страны не однозначны. Их пагубные последствия наиболее широко ощутимы в Российской Федерации: нет, наверное, ни одного старого русского города, карта которого не была бы засорена бездумными и конъюнктурными переименованиями и наименованиями. Поэтому возникает мысль о создании Российского топонимического общества и Общества московской топонимики — с возможностью индивидуального и коллективного членства, с правами юридического лица.

И в настойчивых голосах, взывающих к сохранению и восстановлению топонимического фонда наших городов, к продуманным новым наименованиям, звучат та правда и духовность, которые испокон веков были с человеком и которые ныне возрождаются в нас.

Петр Кузнецов

ФИМА БОРИСОВНА

Из цикла «Осколки»

Молодость Фимы Борисовны Собак кончилась лет пятьдесят назад.

Потом она начала стареть. Лет пятнадцать старела. Вот тогда и кончилась жизнь. А все отпущенное после было ей не нужно, лишне,— так, недосмотр.

Фима Борисовна дотягивала девяносто первый.

Жила она в одноэтажном доме на Воровского, давнишней Поварской, в угловой комнате с окном во двор, прямо на мусорные баки. Много раз писала она просьбы передвинуть гниющие горы в глубь двора, лет десять назад даже уговорила двух подвыпивших парней, и они за рупь в пять минут открыли ее окну вид на чахлые деревца. Но на пять минут. Следующим утром баки заняли прежнее место: иное было неудобно мусорщикам.

Старуха смирилась, но пару раз еще пыталась открывать рот. На собрании жильцов округи, куда ее за недосугом отправляли соседи, Фима Борисовна, подрагивая седенькой головой, говорила об антисанитарии. Но песня была всем знакомой, приелась,— старуха чудила; к тому же — что говорить! — «производственная необходимость»...

По соседству вырос двенадцатиэтажный дом. Несколько недель рабочие сгружали с грузовиков и втаскивали в его подъезды огромные ящики с люстрами, картины в чехлах, широченные кровати и пузатые кресла.

К двум бакам под окном прибавилось еще три.

Есть три библиотеки имени Н. А. Островского и ни одной имени А. Н. Островского. И почему одной из детских библиотек не присвоить имя Корнея Чуковского?!

Все настойчивей звучат голоса, призывающие к тому, чтобы Музею изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (в прошлом Музей изящных искусств) было дано имя филолога, искусствоведа И. В. Цветаева, его основателя и первого директора. Другой пример — Концертный зал имени П. И. Чайковского, который строился как Театр В. Э. Мейерхольда. Однако после гибели Мейерхольда театру суждено было стать концертным залом. В 1940 году, когда отмечался 100-летний юбилей композитора, его имя было присвоено одновременно Московской консерватории и Концертному залу на площади Маяковского. И до сих пор гости столицы порой путают Большой зал консерватории имени Чайковского с Концертным залом имени Чайковского! А ведь сейчас есть прекрасная возможность исправить эту оплошность. В апреле 1991 года музыкальный мир отметит 100-летие со дня рождения Сергея Прокофьева. Так почему бы не дать Концертному залу на площади Маяковского имя С. С. Прокофьева? Залу, не раз восторженно внимавшему его шедеврам, многие из которых обрели здесь свое первое звучание!

Радостно сознавать, что имя А. П. Чехова вернулось наконец-то в проезд Художественного театра, к прославленной русской сцене, где на театральном занавесе навсегда запечатлен полет его «Чайки»...

Надо сказать, что, в отличие от наименований улиц, в наименованиях школ, библиотек, домов культуры чиновное своеволие умножается бюрократической многоступенностью. Дело в том, что для наименования улицы или даже станции метро достаточно, как правило, решения исполкома Моссовета (исключение составляют правительственные постановления об увековечении памяти выдающихся партийных и государственных деятелей, ученых, творцов литературы и искусства). А для наименования школы или библиотеки, оказывается, нужно решение... Совета Министров республики с несколькими промежуточными инстанциями от местного Совета до Совмина! Где же элементарная логика? Слов нет, общеобразовательная школа и библиотека — одни из самых Главных Учреждений, вернее, они должны быть такими. Но спросите любого москвича, где находится улица Горького,— и вы незамедлительно получите точный ответ. Что касается адреса одной из шести районных библиотек имени Горького, то без справочного бюро вам не обойтись...

Путь к увековечиванию того или иного имени должен начинаться с нас самих, с вдумчивого сопоставления подчас полярных мнений и суждений. Конечно, любое выявление общественного мнения в вопросах топонимики не должно быть громоздким, отвлекающим много средств, организационных усилий и времени. Хороший пример — своеобразное голосование жителей бывшего Ворошиловского района Москвы за его переименование, сопутствовавшее Всесоюзной переписи населения. Опрос может быть реализован и при выборах в местные Советы, если с согласия городских (областных, районных) органов власти на оборотной стороне избирательных бюллетеней будут напечатаны соответствующие вопросы (это, кстати говоря, может касаться не только топонимии, но и решения самых различных вопросов жизни малого или большого региона). Однако выборы местных органов власти проводятся не каждый год, поэтому наиболее доступной формой выявления общественного мнения может стать газетное анкетирование: два-три вопроса, касающиеся целесообразности переименования, выбора предлагаемых названий, возможности альтернативного варианта.

Результаты многолетних нарушений естественной топонимики в разных регионах страны не однозначны. Их пагубные последствия наиболее широко ощутимы в Российской Федерации: нет, наверное, ни одного старого русского города, карта которого не была бы засорена бездумными и конъюнктурными переименованиями и наименованиями. Поэтому возникает мысль о создании Российского топонимического общества и Общества московской топонимики — с возможностью индивидуального и коллективного членства, с правами юридического лица.

И в настойчивых голосах, взывающих к сохранению и восстановлению топонимического фонда наших городов, к продуманным новым наименованиям, звучат та правда и духовность, которые испокон веков были с человеком и которые ныне возрождаются в нас.

Петр Кузнецов

ФИМА БОРИСОВНА

Из цикла «Осколки»

Молодость Фимы Борисовны Собак кончилась лет пятьдесят назад.

Потом она начала стареть. Лет пятнадцать старела. Вот тогда и кончилась жизнь. А все отпущенное после было ей не нужно, лишне,— так, недосмотр.

Фима Борисовна дотягивала девяносто первый.

Жила она в одноэтажном доме на Воровского, давнишней Поварской, в угловой комнате с окном во двор, прямо на мусорные баки. Много раз писала она просьбы передвинуть гниющие горы в глубь двора, лет десять назад даже уговорила двух подвыпивших парней, и они за рупь в пять минут открыли ее окну вид на чахлые деревца. Но на пять минут. Следующим утром баки заняли прежнее место: иное было неудобно мусорщикам.

Старуха смирилась, но пару раз еще пыталась открывать рот. На собрании жильцов округи, куда ее за недосугом отправляли соседи, Фима Борисовна, подрагивая седенькой головой, говорила об антисанитарии. Но песня была всем знакомой, приелась,— старуха чудила; к тому же — что говорить! — «производственная необходимость»...

По соседству вырос двенадцатиэтажный дом. Несколько недель рабочие сгружали с грузовиков и втаскивали в его подъезды огромные ящики с люстрами, картины в чехлах, широченные кровати и пузатые кресла.

К двум бакам под окном прибавилось еще три.

Фима Борисовна получала пенсию. Восемнадцать сорок. Все, знавшие это, пожимали плечами. Но прежде было и поменьше,— просто как-то, на пару лет, она пошла техничкой в школу неподалеку,— и вышла прибавка. Хватало. Жила старуха одна и ничего, кроме необходимого, не покупала. А что ей необходимо? Воробьиные крохи.

Фима Борисовна часто думала о смерти, думала спокойно, как уже мертвая: пожила, пора.

Дочь соседки Жуковой прошлым летом ездила с кем-то в Крым и теперь ждет ребенка. Комната у них три на три с половиной: не повернешься. Люба с надеждой поглядывала на старуху, и та понимала эти взгляды.

Фима Борисовна ждала смерти. Деньги на похороны лежали в тумбочке, она показала их управдому, чтобы он не волновался. Вещей у нее было совсем мало.

Иногда старуха ездила на Ваганьково посмотреть, где она будет лежать. (Соседи посмеивались: «Опять с ревизией...») Могилки ее матери и отца давно сровнялись с землей, но ограда была еще крепкой. «Вот здесь, между ними, и положат...» И ей становилось легче.

Подолгу она бродила по кладбищу, навещая знакомых. Их было много.

Сима Сосницкая. И голубь все сидит на кресте. Мрамор пожелтел, и голубь пожелтел тоже. Умерла от туберкулеза, а веселая была, стихи писала. Фима Борисовна даже помнила кое-что. «Когда б глаза твои и руки могли бы защитить меня от беспощадного огня и неизбежности разлуки...» «От отца и супруга». Когда поставили надгробие, испугались: не тяжело ли будет Симочке? Николай Семенович расплакался. Теперь крест стал меньше, врос в землю, плита треснула, в трещинах — пучки белесой травы. «Отец и супруг» тоже лежат здесь, и тяжесть надгробия уже не тяжела для троих.

Григорий Матвеевич Сухов. Гриша. И вся семья здесь: и Маша, и Петя. Алеша. Неужели и он уже умер? 1906—1959. Давно, почти десять лет. Боже, а я все живу. Могила ухоженная. Ну да, у Пети же мальчик был. Хе-хе, у мальчика поди уже внуки.

Могила Есенина.

Бори Пустового. Без оградки, из беспризорной травы едва проглядывает покосившаяся палка с фанеркой. На фанерке кривыми буквами, но старательно: «Дохтор Борис Исаич Пустовой. Умер в 1954 году». Жердочка-скамеечка, столбики сыростью съедены: не присядешь.

И дальше. Кладбище не навеивало на нее грусти.

Фима Борисовна любила рассказ Бунина «Холодная осень». Ничего общего у нее не было с его героиней, но вздох ее в конце: «Я пожила, порадовалась, теперь уже скоро приду...» — она понимала как никто.

Фима Борисовна дотягивала девяносто первый.

Старуху давно мучила бессонница. Она хотела обмануть ее: ложилась поздно, вставала рано, пила чай и отправлялась на Никитский. Сидела на скамейке, смотрела на чужую жизнь, на чужие радости и заботы, чужую суету, встречи, прощания, на детей, возводящих из песка замки, а зимой, из снега, чудовищ, ничем не похожих на прежних снеговиков.

Давно, до войны, году в тридцать пятом, в последний раз была Фима Борисовна в Большом. Давали «Пиковую даму». Зажившаяся графиня жаловалась на постылый свет. Антарова пела горестно последние свои спектакли, лицо ее, озаренное снизу свечой, казалось совсем старым: она и сама была свечой — вот-вот догорит. Фима Борисовна плакала, жалела графиню. «Je crains de lui parler la nuit, J'écoute trop tout ce qu'il dit...» («Я боюсь с ним разговаривать ночью, я слишком прислушиваюсь ко всему, что он говорит...»)

Девочки в ряду сзади о чем-то невозмутимо переговаривались.

Потом, вспоминая, Фима Борисовна уже не жалела ее: всему свое время, дорогая. И хмыкала: мне бы такого молодчика. И пистолета не успел бы достать — я бы уже сковырнулась.

Соседки не понимали: о чем она, но объяснять ей не хотелось — что толку.

Четыре года назад Фиму Борисовну выбрали в подростковую комиссию при жэке — никто не захотел: обуза. Подростков во дворе было мало, а те, что были, ничуть не нуждались в опеке. Возглавлял комиссию пожилой полный мужчина, Глеб Генрихович, кандидат наук. Времени у него тоже не было, и Фима Борисовна так и не узнала, что ей надо делать. Она проходила мимо своих «подшефных», взрывающих чахлую глухоту двора дружным и хриплым: «Протопи ты мне баньку...» — и не находила, как заговорить с ними, о чем поговорить. Раз все же попыталась и вызвала насмешливое недоумение. Ее молча слушали, но она растерялась и, попрощавшись, быстро ушла. Назад — в свою нору, на бульвар, на кладбище, туда, где никого не надо учить, где все понятно, знакомо и усвоено давно. Не то чтобы она не любила людей,— любила, жалела, но научилась жить без них, не мешать им.

Да и что им она? На ноябрьский юбилей вежливый молодой человек из двенадцатиэтажного дома, устроитель торжественного собрания в красном уголке жилконторы, попросил ее рассказать о революции, том времени, его героях: «Вы, наверное, многое помните, многое повидали...»

Фима Борисовна печально улыбнулась симпатичному юноше и продребезжала что-то вроде: «Мне ль, смиренной деве, на подвиг гибельный такой идти!..» На что тот нервно покрутил пальцем у виска.

Как объяснить молодым такую непонятную им вещь, что ничего интересного она не может рассказать о революции,— та прошла-мино-

вала ее стороной, она не поняла ничего. Вопрос: зачем? — возникал в ее душе долго. Она плакала, молилась, страшилась всего. Потом многое изменилось, старое стиралось, и все вопросы переходили в область риторических, а Фима Борисовна устала от вопросов, ответа на которые нет.

А люди того времени? Соня. Горский. Боря Пустовой. Капитан Захаренко. Назвать их имена — что молодость окликнуть: больно. Они, из-за Леты, виделись так ясно, как будто она рассталась с ними вчера, она видела, как они машут ей рукой.

Она помнила, как умирала Леля Ромиц, ее подруга по гимназии, в крысином подвале в Борисоглебском. Тогда Фима выменяла голубой бабушкин подсвечник, последнюю стоящую вещь, на кусок хлеба, но он оказался не ржаным даже,— из кирпичной крошки. А Леля уже не могла притронуться ни к какому. Только смотрела безумными глазами.

«Время шло, исчезая в тумане. Люди тихо сходили с ума...»

Помнила Фима Борисовна и другое. Когда в 31-м соседский четырнадцатилетний Сережка ворвался в ее комнату и разбил молотком иконы, борясь с поповщиной и «опиумом».

Среди них был и эскиз васнецовского Спаса.

Потом Сережка вырос и надел голубую форму. Когда пришли за Шицерами, он помогал в обыске, а потом ходил по квартире гордый и веселый. Все его звали Сергеем Леонидовичем, даже мать.

А разговор со следователем, фамилию которого она ни разу, вот уже сколько лет, не могла произнести вслух!

Все это было ясно, понятно и близко только ей одной. Другим, сегодняшним, хочется услышать другое, о другом. И нет у них желания знать жизнь и печали Фимы Борисовны Собак без соотнесения этой жизни и этих печалей с событиями вселенскими, значительными и героическими. А что их соотносить — гора и мышь.

Старуха любила читать. Читать — не совсем точно. Она много лет ничего не читала. У нее было несколько книг, старых и старинных, прочитанных по многу раз, выученных наизусть,— Библия, Блок, Гумилев. «Для чего-то слепыми ночами уверяла лукавая мгла, что не горб у тебя за плечами — два серебряно-белых крыла...» Когда-то у нее была хорошая библиотека, но чем старше она становилась, тем меньше оставалось книг: продавала, раздаривала, в войну — жгла, и раньше, до войны, тоже жгла. И остались теперь только самые любимые. Она берегла их, заворачивала в цветную бумагу, они старились вместе с ней, разбухали, желтели страницы; давно стерлось золото с обложек. Но они были дороги ей. Спасибо им за то, что не сетуют на нее, старуху неразумную, сотни раз листавшую их страницы; ляжет, раскроет где-нибудь на середине, прочтет первую строку, потом закроет глаза и продолжает — уже напамять, вслух, никому, в потолок, от сердца — старого, хилого, старушечьего.

«Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем. Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым, ибо дерево познается по плоду».

Это Евангелие, в когда-то черной обложке, принадлежало ей почти всю жизнь. Если открыть верхнюю крышку, то видно — ровным и четким, каких уже нет, почерком — через всю страницу: «С благословения Его Высокопреосвященства Совет Московской Первой гимназии предлагает эту книгу кончившей курс гимназии девице Ефимии Собак для руководства ея в жизни...»

А ведь это она — Ефимия Собак. И эта книга подарена ей — «для руководства ея в жизни». Больше семидесяти лет назад, жизнь назад. Судьбу назад. Выпускница гимназии, девица Собак. Девяностолетняя старуха — это тоже она.

«Как долго длится жизнь, бесконечно. Господи, возьми меня. Нет во мне ни желания жить, ни умения. Ты велик, ты справедлив. Ты всю жизнь поддерживал меня, будь же справедлив и сейчас».

Но Ему, казалось, было не до нее.

Через месяц Фима Борисовна вступала в свой девяносто второй.

5 июля 1979

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Александр Ястребов

ЧУЖИЕ ПОХОРОНЫ

И вступил мир в земли московские. Устав от уличных боев, Первопрестольная приняла новую власть. Настал момент отдать траурные почести жертвам кровопролитных событий.

Первые похороны, вылившиеся в политическую манифестацию победителей, состоялись 10 ноября 1917 года. Тогда подле Кремлевской стены вечному покою были преданы тела 238 героев Октября.

Это подробно описано Джоном Ридом в книге «10 дней, которые потрясли мир», причем американский журналист подчеркивал, «что набоженному русскому народу уже не нужны больше священники...».

Но так думали не все. Об этом свидетельствует дневник В. А. Михайловского — ученого секретаря Бахрушинского музея. 14 ноября, размышляя над увиденным, он записал: «Похороны были гражданские, без

отпевания, без церковного пения, без ладана, безо всего, чем могила крепка, как говорит Некрасов. На простой народ, стариков эти похороны подействовали удручающе»[1].

Тремя днями позже холодная земля приняла тех, кто находился по другую сторону революции, но также снискал смерть в кровопролитных уличных сражениях.

Те и другие безвременно ушли из жизни, убежденные в правоте своих идей — за Свободу, за Равенство, за Демократию!

Население Москвы было потрясено этими двумя траурными церемониями, длившимися 96 часов.

Русская печать неоднократно подчеркивала, что во время октябрьско-ноябрьских событий погибли молодые люди. Священный собор Православной российской церкви, выступая с миротворческой миссией, призывал горожан независимо от их политических убеждений совершить панихиду по всем павшим: «Жители Москвы,— и богатые и бедные, и знатные и простые, и военные и не военные,— все приглашаются, забыв всякую партийную рознь и помня только заветы Великой Христовой Любви, объединяться в общецерковной молитве о блаженном успокоении почивших».

И лишь большевистские газетчики восприняли эти полные трагизма дни с высоты классовых позиций... Бога для них уже не существовало, не было снисхождения к врагам.

Долгие десятилетия историческая наука охраняла от нас многие события прошлого, и началом процесса молчания стали похороны юнкеров, офицеров и студентов. Мало кто сегодня помнит о ныне упраздненном Братском кладбище[2], принявшем когда-то их останки. Теперь на «преображенной» территории — асфальт, сквер и коробки домов. Ничто не напоминает о стертых с лика земли шеренгах могил героев первой мировой войны и о той общей могиле.

Так вслед за физической смертью последовала духовная расправа над мертвыми.

* * *

Эти торжественные похороны были организованы особой общестуденческой комиссией. Не было венков. Над процессией не развевались

[1] 25 ноября (8 декабря) 1917 г. Всероссийский поместный собор рассмотрел вопрос «О торжественном отпевании жертв междоусобной брани, закопанных у стен Кремля». Но в силу неприемлемости выдвинутых духовенством требований стороны не достигли договоренности.

[2] Братское кладбище устроено городским управлением во время первой мировой войны для участников войны и сестер милосердия московских общин. Идея его создания принадлежит великой княгине Елизавете Федоровне. Занимало площадь 19 десятин 279 квадратных саженей. Территория представляла собой вековой парк, преимущественно липовый, и сосновую рощу. Захоронения начались в 1916 г. В 1924 г. кладбище было закрыто, и в последующее время производились погребения только летчиков. Во второй половине 50-х гг. было снесено. Братское кладбище располагалось недалеко от церкви Всех Святых (в районе станции метро «Сокол»).

флаги и транспаранты. Во всем соблюдалась строгость. В университетском анатомическом театре лишь один плакат: «Товарищам — последние гроши!»

И хотя время, маршрут, а также многие другие подробности предстоящего траурного шествия в точности не многим были известны, в тот день тысячи москвичей вышли на улицы.

Первоначально обряд захоронения предполагалось совершить 11 ноября, но из-за отказа рабочих Братского кладбища рыть могилы и «случайной» задержки при изготовлении гробов дату пришлось перенести. Были и другие препятствия, объяснить которые можно коротким словосочетанием: организованный бойкот. Однако в итоге искусственно созданные трудности были преодолены.

Наступило 13 ноября 1917 года. День выдался серый и хмурый. К 9 часам толпы народа постепенно стали заполнять Большую и Малую Никитские улицы. Среди них были представители общественных организаций и политических партий, студенты и школьники, просто любопытные. Отдать последний поклон пришли деятели русской культуры и науки: Н. Д. Зелинский, С. А. Чаплыгин, А. А. Яблочкина, М. К. Любавский, А. М. Южин, С. Б. Бахрушин.

Сколько было людей? На этот вопрос даже приблизительно ответить сложно — тысячи. Но современники отмечали, что когда голова процессии выходила с проезда Тверского бульвара на Страстную (ныне Пушкинская) площадь, то конец ее еще находился на Никитской улице. Добавим, что на протяжении всего маршрута выстроилась бесконечная человеческая цепь.

Накануне, в воскресенье, в университетской церкви Св. Татьяны профессором протоиереем Н. И. Боголюбским и профессорами богословия ряда московских высших учебных заведений была отслужена заупокойная всенощная.

К 11 часам утра тела убитых были перевезены в церковь Большого Вознесения. Открытые гробы, убранные ельником, установили вдоль стен на особые возвышения, так, чтобы середина помещения оставалась свободной. Внутри храм был убран просто и торжественно, внизу и на хорах светились бесчисленные огоньки восковых свечей, сияли разноцветные лампады. Знаменитый хор Архангельского, в составе которого пела и солистка Большого театра Е. А. Степанова, исполнял панихидные песнопения. Храм переполнен депутациями, отдельными представителями Москвы. Низко опущены головы присутствующих, пригнутые к груди тяжестью горьких мыслей,— все говорило о постигшем человеческом горе. Началась служба, в которой приняли участие члены церковного собора архиепископы Евлогий Волынский, Анастасий Кишиневский, епископы Иоасаф Дмитриевский и Нестор Камчатский.

Казалось, поминальному списку не будет конца: «Успокой, Господи, души убиенных воинов Алексея, Иоанна, Георгия...» — звучали слова отпевания в тишине храма.

Около трех часов дня церемония прощания закончилась. На паперти появляются парчовые ризы духовенства. В погребальном перезвоне надрываются колокола. Студенческий хор и оркестр поочередно исполняют гимн «Коль славен», «Похоронный марш» и «Со святыми упокой». О выносе тел из храма город узнает по благовесту московских церквей. Первые 18 гробов несут на руках, остальные 19 поставлены на открытые колесницы[1]. В четвертом часу процессия приходит в движение...

В Центральном государственном архиве кинофотодокументов СССР чудом сохранился документ — небольшой фильм, позволяющий даже спустя десятилетия своими глазами увидеть это событие. В течение десяти минут на экране мелькают печальные лица, гробы, катафалки и запряженные в них белые лошади, сожженный во время революции гагаринский дом, море людей на Тверском бульваре и еще не засыпанная братская могила. Смотришь, и кажется, что побывал там сам...

Корреспондент одной из московских газет оставил нам описание начала траурного шествия.

«Впереди — студенческая цепь, за ней в несколько рядов, взявшись под руки, идут участники хора, в замке́ этой группы — мальчик с образом страдальца Христа в терновом венце.

Толпа обнажает головы.

Во главе клира три епископа. Вот первый гроб. Его несут шесть офицеров, и в такт их шагов трепещут грустные астры на крышке гроба. За первым бесконечной чередой проходят белые ящики с останками погибшей молодежи. Их несут студенты, офицеры, юнкера, девушки, сестры милосердия, мальчики в гимназических формах.

Медленно двигается шествие.

Хора впереди уже не слышно.

Теперь доносятся звуки шопеновского марша, исполняемого оркестром Комиссаржевского училища, следующим за гробами.

Гробы бедные, унылые, из некрашеной смолистой сосны».

Несмотря на напряженность обстановки, весь скорбный путь был пройден без осложнений. Порядок поддерживался самими участниками маршрута.

На Страстной площади перед монастырем была отслужена лития, и процессия, в которую влился новый поток людей, направляется по Тверской. Далее — Петроградское (Ленинградское) шоссе, Ходынка, Петровский парк, село Всехсвятское...

Было уже поздно, когда кортеж достиг Братского кладбища. При свете факелов высвечивается невдалеке темнеющее пятно могилы. Вырытая посреди широкой поляны, она имела 40—50 метров в длину.

[1] Первоначально предполагалось похоронить 55 человек, но накануне 18 погибших были взяты родственниками из анатомического театра и погребены отдельно.

Людская цепь окружает могилу, пропускает к ее краю духовенство, родственников, членов делегаций и замыкается. Последний раз совершается панихида, звучат краткие речи. Сменяя друг друга, выступили: городской голова В. В. Руднев, от партии народной свободы — Н. И. Астров, от трудовой народно-социалистической партии — профессор И. П. Алексинский, от социал-демократической партии «Единство» — Григорьев, от студентов-техников, исполнительного комитета университета и другие.

Из речи В. В. Руднева:

Граждане! Не надо много слов над этими могилами. Все мы знаем, что здесь лежат борцы за право и народную свободу. Эти борцы побеждены физически, но не духовно. Долг наш, оставшихся в живых,— помнить всегда о наших ушедших братьях, что они отдали свою жизнь в тяжкой междоусобице, и следовать их примеру.

Из речи Н. И. Астрова:

Нужны ли слова над этими еще открытыми могилами? И какие это должны быть слова над ушедшими в вечность молодыми, юными жизнями? Одно слово определяет все, что свершилось, что привело нас сюда, что происходит здесь. Это слово — скорбь... Скорбью исполнены наши сердца, глубокой и невыразимой. Скорбны наши души. Полон скорби пройденный нами тернистый путь, мрачны и печальны открывающиеся дали. Там, в нашей родной Москве, торжествуют победу... (...) Снова Россия в цепях, бряцая которыми они кричат о свободе, о победе... Нет больше свободы! Зашло ее солнце! Надвинулась ночь черная, без звезд... (...) Где правда? Разве она на их стороне? С ними — ложь и обман. Но обманутый народ прозреет и поймет, куда его привели... Над открытыми могилами не нужно кликов мщения и проклятий. Над этими могилами, дорогими и родными, дадим одну великую клятву — спасти Россию во что бы то ни стало. Жертвы, принесенные ими, требуют этой клятвы. Спите, мученики, борцы за правое дело.

Затем под пение импровизированного хора гробы медленно опускаются вниз...

Только в 10 часов собравшиеся начинают медленно расходиться. В тот день на Братском кладбище был предан земле прах 37 молодых людей: И. Г. Собачук-Казаченко, юнкер 5-й школы; неопознанный студент Коммерческого института; Павлов, юнкер 5-й школы; Ягудин, прапорщик 85-го пехотного полка; Н. А. Норман, солдат батальона смерти; неопознанный юнкер 4-й школы; неопознанный студент; Г. Кузьмин, юнкер Алексеевского военного училища; неопознанный военный; П. Бойко, юнкер 6-й школы; неопознанный юнкер 6-й школы; Г. Мирошкин, юнкер 4-й школы; неопознанный юнкер; Н. Мамыкин, юнкер 5-й школы; М. Мирзоянц, юнкер; Ф. Лаврененко, юнкер 6-й школы; неопознанный юнкер 6-й школы; А. Никитин, юнкер Алексеевского военного училища; неопознанный прапорщик; неопознанный вольноопределяющийся; Т. Чуш-

ков, ударник; К. В. Сырцов, юнкер 6-й школы; В. М. Иванов, юнкер Александровского военного училища; Печкин, юнкер Александровского военного училища; В. Агеев, ударник 7-го батальона; неопознанный юнкер; Аронин, юнкер 3-й школы; неопознанный юнкер; Шилов, ударник; неопознанный офицер; Гвай, прапорщик 7-го ударного батальона; Н. И. Васильев, юнкер 3-й школы; Королев, ударник; Концержев, прапорщик; неопознанный прапорщик; М. Марков, ударник 7-го батальона; Голубятников, студент университета [1].

Эпизод с похоронами юнкеров — свидетельство предвзятого отношения, равнодушия к чужому горю; помноженные на десятилетия борьбы за «нового человека», за «новую, коммунистическую мораль», эти чувства трансформировались в черствость и жестокость.

Извлечем из прошлого горькие уроки. Пора понять, что история — не абстрактный мир теней, а богатый практический материал для лечения социальных болезней. И сделать это нужно сейчас, когда в повседневную жизнь врываются сотни «горячих» событий, влекущих к самым непредсказуемым последствиям. Тогда, возможно, «союз нерушимый республик свободных» станет гуманнее, а многие благородные начинания, провозглашенные во имя светлого блага человека, бескровнее.

---

[1] Публикуется по газете «Русское слово», № 249 от 14 ноября 1917 г.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 8 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали: 6. Нейтралитет. 9. Сандал. 10. Арагон. 12. Атолл. 14. Груша. 17. Посох. 18. Пантограф. 19. Та́бло. 21. Рондо. 22. Гелиотроп. 23. Бриллиант. 25. Этика. 27. Инвар. 29. Боголюбов. 30. Окунь. 31. Строп. 33. Канон. 36. Малеев. 37. Ирония. 38. Виндсерфинг.

По вертикали: 1. Герда. 2. Стела. 3. Майборода. 4. Финал. 5. Пегас. 7. Маршал. 8. Золото. 11. Орнаментика. 13. Конденсатор. 15. Жаворонок. 16. Шампиньон. 20. Охота. 21. Ралли. 24. Дальномер. 26. «Кинжал». 28. Нутрия. 32. Пекин. 33. Квадр. 34. Нимфа. 35. Дойна.

Дорогие друзья!

Мы с грустью вынуждены сообщить, что с 1 января 1991 года изменится стоимость журнала.

Один его номер будет стоить 50 копеек, годовой комплект — 6 рублей.

Наверное, излишне объяснять причины этого.

В нынешней ситуации важнее сказать другое. Редакция постарается сделать все, чтобы подписчики журнала не сожалели о потраченных деньгах, чтобы журнал был интересным, нужным.

Подписаться на «Горизонт» можно в отделениях связи Москвы и Московской области по списку-каталогу московских городских и областных журналов, еженедельников и бюллетеней на 1991 год (приложение к каталогу «Советские газеты и журналы на 1991 год»). Индекс издания — 73755.

Мы надеемся, что читатели не откажут «Горизонту» в доверии и внимании и останутся его друзьями и в будущем.

Редакция